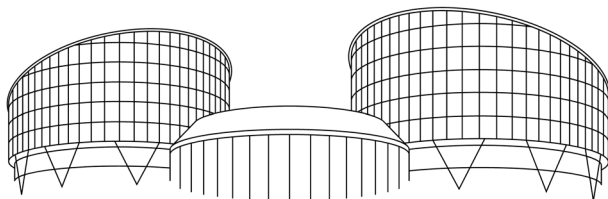

Данное постановление было первоначально опубликовано на английском языке Европейским судом по правам человека в его базе данных HUDOC (<https://hudoc.echr.coe.int/?i=001-119416>). Данный документ представляет собой неофициальный перевод, автоматически созданный OnlineDocTranslator (<https://www.onlinedoctranslator.com/en/>), и может не отражать оригинальный материал или точку зрения источника. Данный неофициальный перевод загружен Европейским центром защиты прав человека (https://ehrac.org.uk/en_gb/) исключительно в информационных целях.

EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS
COUR EUROPÉENNE DES DROITS DE L'HOMME

ПЕРВЫЙ РАЗДЕЛ

ДЕЛО САВРИДДИН ДЖУРАЕВ против.РОССИЯ

(Заявка № 71386/10)

СУЖДЕНИЕ

СТРАСБУРГ

25 апреля 2013 г.

ФИНАЛ

09.09.2013

Это решение вступило в законную силу в соответствии со статьей 44 § 2 Конвенции. Он может быть подвергнут редакционной правке.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРОЦЕДУРА.....	4
ФАКТЫ.....	5
I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА	5
А. Биография заявителя до его уголовного преследования.....	5
В. Уголовное дело в отношении заявителя в Таджикистане и последующее разбирательство об экстрадиции в России.....	6
С. Заявление о предоставлении статуса беженца и временного убежища	8
D. Решения судов относительно содержания заявителя под стражей в ожидании экстрадиции	9
Е. Предполагаемое похищение и передача заявителя в Таджикистан	10
1. Версия заявителя о событиях.....	10
2. Информация, предоставленная Правительством.....	11
F. Ходатайства о защите заявителя от непосредственной угрозы его принудительного перевода в Таджикистан.....	12
G. Письмо Секретаря суда после похищения заявителя и передачи в Таджикистан	13
H. Официальное расследование и неоднократные отказы в возбуждении уголовного дела в отношении оспариваемых событий	14
1. Первый отказ следователя в возбуждении уголовного дела и его отмена его начальником.....	14
2. Повторный отказ следователя в возбуждении уголовного дела и его отмена его начальником.	15
3. Третий отказ следователя в возбуждении уголовного дела и его отмена его начальником.....	15
4. Четвертый отказ следователя в возбуждении уголовного дела	16
5. Последующие запросы	17
I. Уголовный процесс над заявителем в Таджикистане	17
II. ПРИМЕНИМОЕ ВНУТРЕННЕЕ И МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО	18
А. Процедура экстрадиции.....	18
1. Уголовно-процессуальный кодекс	18
2. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 14 июня 2012 г.....	19
В. Содержание под стражей в ожидании экстрадиции и его судебный пересмотр	20
1. Конституция России	20

2. Конвенция СНГ о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам 1993 г. («Минская конвенция»).....	20
3. Уголовно-процессуальный кодекс	21
4. Практика Конституционного и Верховного Судов России ...	22
C. Статус беженцев	24
1. Женевская конвенция о статусе беженцев 1951 г.....	24
2. Закон о беженцах	24
3. Рекомендация Комитета министров Совета Европы о праве лиц, ищущих убежища, на эффективное средство правовой защиты.....	25
D. Уголовное расследование.....	27
III. ДОКЛАДЫ О СИТУАЦИИ В ТАДЖИКИСТАНЕ	27
IV. ТЕКСТЫ СОВЕТА ЕВРОПЫ ОБ ОБЯЗАННОСТИ СОТРУДНИЧЕСТВА С СУДОМ, ПРАВЕ НА ПОДАЧУ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ ПРЕТЕНЗИИ И ОБЕСПЕЧИТЕЛЬНЫХ МЕРАХ.....	32
A. Парламентская ассамблея.....	32
B. Комитет министров	35
V. РЕШЕНИЯ КОМИТЕТА МИНИСТРОВ В СООТВЕТСТВИИ СО СТАТЬЕЙ 46 ПО СВЯЗАННЫМ ДЕЛАМ, КАСАЮЩИМСЯ РОССИИ	38
ЗАКОН	42
I. УСТАНОВЛЕНИЕ ФАКТОВ	42
II. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 3 КОНВЕНЦИИ	47
A. Представления сторон	48
1. Правительство	48
2. Заявитель.....	49
B. Оценка Суда.....	50
1. Допустимость	50
2. Достоинства.....	50
(a) Возвращение заявителя в Таджикистан подвергало его реальному риску обращения, противоречащего статье 3	51
(i) Общие принципы	51
(ii) Применение к настоящему делу	53
(α) Внутреннее разбирательство.....	53
(β) Собственная оценка Судом риска для заявителя	56
(b) Выполнили ли власти свое позитивное обязательство по защите заявителя от реального и непосредственного риска принудительного перевода в Таджикистан.....	59
(c) Провели ли власти эффективное расследование.....	61

(d) Несет ли государство-ответчик ответственность за пассивное или активное участие его представителей в насильственном перемещении заявителя в Таджикистан.....	64
(e) Выводы	67
III. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 13 КОНВЕНЦИИ	67
IV. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 34 КОНВЕНЦИИ.....	67
V. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ ПУНКТА 4 СТАТЬИ 5 КОНВЕНЦИИ.....	72
А. Приемлемость.....	72
Б. Достоинства.....	72
VI. ДРУГИЕ ПРЕДПОЛАГАЕМЫЕ НАРУШЕНИЯ КОНВЕНЦИИ	74
VII. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ.....	75
А. Ущерб	75
Б. Затраты и расходы	75
С. Проценты за неуплату.....	76
VIII. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 46 КОНВЕНЦИИ	76
А. Общие принципы	77
В. Меры по исполнению настоящего решения	78
1. Выплата справедливой компенсации.....	78
2. Другие меры по исправлению положения в отношении заявителя	79
3. Общие меры по предотвращению подобных нарушений	80
ОПЕРАТИВНАЯ ЧАСТЬ	85

По делу Савридин Джураев против.Россия,
Европейский суд по правам человека (Первая секция), заседающий
в качестве Палаты в составе:

Изабель Берро-Лефевр,*Президент,*
Ханлар Гаджиев,
Мирьяна Лазарова Трайковска,
Джулия Лафранк,
Эрик Мёсе,
Ксения Туркович,
Дмитрий Дедев,*судьи,*

и Сорен Нильсен, секретарь секции,

Совещаясь за закрытыми дверями 9 апреля 2013 г.,

Выносит следующее решение, которое было принято в этот день:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было возбуждено по жалобе (№ 71386/10) против Российской Федерации, поданной в Суд в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод («Конвенция») гражданином Таджикистана г-ном Савридином. Джанобиддинович Джураев («заявитель»), 6 декабря 2010 г.

2. Заявителя представляли г-жа Е. Рябинина и г-жа Д. Тренина, адвокаты, практикующие в Москва. Правительство Российской Федерации («Правительство») представлял г-н Г. Матюшкин, представитель Российской Федерации при Европейском суде по правам человека.

3. Заявитель утверждал, в частности, что в случае его экстрадиции в Таджикистан он рискует подвергнуться жестокому обращению и что судебный пересмотр его содержания под стражей в ожидании экстрадиции не был проведен в кратчайшие сроки.

4. 7 декабря 2010 г. председатель Первой секции указал правительству-ответчику в соответствии со статьей 39 Регламента Суда, что заявитель не должен быть экстрадирован в Таджикистан до дальнейшего уведомления. Также было принято решение предоставить этому делу приоритет в соответствии с правилом 41 Регламента Суда.

5. 16 декабря 2010 г. Правительство сообщило Суду, что власти предприняли соответствующие шаги, чтобы гарантировать, что заявитель не будет экстрадирован в Таджикистан до дальнейшего уведомления.

6. 31 января 2011 г. заявление было передано правительству. Также было решено одновременно вынести решение о приемлемости и существовании жалобы (статья 29 § 1).

7. 2 ноября 2011 г. председатель Первой секции просил власти Российской Федерации в соответствии с пунктом 2 правила 54 Регламента Суда предоставить дополнительную фактическую информацию для выяснения обстоятельств предполагаемого похищения заявителя в Москва.

8. 17 января 2012 года Палата предложила сторонам представить дополнительные письменные замечания в отношении предполагаемого похищения заявителя и передачи его в Таджикистан. Вследствие этого стороны представили Суду еще несколько материалов, содержащих информацию о новых событиях в деле и дополнительные замечания по существу.

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

9. Заявитель родился в 1985 году. В настоящее время он отбывает тюремное заключение в г.Таджикистан.

A. Биография заявителя до его уголовного преследования

10. До 2006 года заявитель проживал в своем родном деревне из Навгилемв Согдийской области г.Таджикистан. Он был торговцем на местном продовольственном рынке.

11. События, предшествовавшие выезду заявителя из Таджикистан были описаны им следующим образом.

12. С 2002 по 2005 год заявитель посещал мечеть, где изучал Коран под руководством С. Маруфова. Последний был задержан местной полицией и скончался в заключении в мае 2006 года. Сообщается, что перед смертью г-н Маруфов подвергался жестокому обращению (см.102ниже).

13. После смерти г-на Маруфова таджикские власти начали преследовать его последователей. Заявитель бежал из страны, опасаясь судебного преследования за свою религиозную деятельность.

14. Заявитель прибыл в Россию в июне 2006 года и зарабатывал на жизнь различными низкоквалифицированными работами в Москвапригород.

В. Уголовное дело в отношении заявителя в Таджикистане последующее разбирательство по делу об экстрадиции в Россия

15. 7 ноября 2006 г. прокуратура Таджикистана возбудила уголовное дело в отношении заявителя и санкционировала его содержание под стражей до суда. Заявителю было предъявлено обвинение по статьям 186 § 2 и 187 § 2 Уголовного кодекса Таджикистана в создании где-то в 1992 году вместе с несколькими другими лицами «преступного заговора» под названием «Баят» (Байъат), который позже присоединился к «преступная вооруженная группа» под названием «Исламское движение Узбекистана» («ИДУ»). Второе обвинение заявителя касалось его предполагаемой причастности к вооруженному нападению, совершенному 27 сентября 2006 г. на трех депутатов регионального парламента.

16. В тот же день таджикская прокуратура выдала ордер на арест заявителя на основании вышеуказанных обвинений и внесла его в список «разыскиваемых лиц».

17. Российская полиция задержала заявителя 21 ноября 2009 года в Москве на основании ордера на международный розыск, выданного таджикскими властями. Он оставался под стражей в ожидании экстрадиции до 21 мая 2011 г. (см. пункты 32-36 ниже).

18. 21 декабря 2009 г. и 29 марта 2010 г. заместитель Генерального прокурора Таджикистана обратился к своему российскому коллеге с просьбой об экстрадиции заявителя в Таджикистан.

19. 17 июня 2010 года заместитель Генерального прокурора Россия распорядился об экстрадиции заявителя. Он установил, в частности, что заявитель обвинялся в Таджикистане в причастности с 1992 года к преступной организации ИДУ. Заместитель Генерального прокурора также отметил, что в конце 2005 года заявитель переехал в Россию, где он основал вооруженную ячейку ИДУ, и что в 2006 году он переводил до 5000 долларов США в месяц лидерам ИДУ в Таджикистане. , тем самым подпитывая их террористическую деятельность, такую как убийства государственных чиновников. Заместитель Генерального прокурора счел, что действия заявителя также наказуемы в соответствии с Уголовным кодексом Российской Федерации и что его экстрадиции не могло помешать преступление, которое он мог совершить в Москве, поскольку в этом отношении не было начато расследование или уголовное преследование. Российская Федерация.

20. Заявитель жаловался на решение об экстрадиции в Московский городской суд («Городской суд»), утверждая, что таджикские власти будут подвергать его пыткам с целью заставить его признаться в преступлении, которого он не совершал. Он сослался на обширную

прецедентную практику Суда, устанавливающую риск применения пыток к некоторым заявителям в аналогичном положении в случае экстрадиции в эту страну (Ходжаев против России, № 52466/08, 12 мая 2010 г., и Хайдаров против России, № 21055/09, 20 мая 2010 г.). Заявитель также подчеркнул противоречия и даже абсурдность некоторых обвинений, выдвинутых против него в Таджикистан, согласно которой активно занимался террористической деятельностью с 1992 года, когда был еще маленьким ребенком.

21. Заместитель Генерального прокурора передал в городской суд письмо, подписанное его коллегой в Таджикистане, в котором, в частности, содержались следующие заверения:

«Мы гарантируем, что в соответствии с нормами международного права [заявителю] будут предоставлены все возможности для защиты в Республике Таджикистан, в том числе с помощью адвоката. Он не будет подвергаться пыткам или жестокому, бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию (Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод и соответствующие конвенции и протоколы Организации Объединенных Наций и Совета Европы к ней).

Уголовный кодекс Таджикистана не предусматривает смертной казни за вменяемые [заявителю] преступления.

Генеральная прокуратура Таджикистана гарантирует, что целью запроса об экстрадиции в отношении [заявителя] не является его преследование по политическим мотивам или по признаку его расы, религиозных убеждений, национальности или политических убеждений.

... Таджикистан обязуется преследовать [заявителя] только за преступления, которые являются основанием для его экстрадиции, и что [заявитель] не будет передан третьему государству без согласия Российской Федерации и будет свободен покинуть территории Республики Таджикистан после отбытия наказания».

22. 29 октября 2010 года городской суд провел открытое слушание. Это позволило ходатайству защиты допросить Е. Рябину в ее качестве эксперта Российского института прав человека о ситуации в Таджикистан. Эксперт ответил на вопросы на открытых слушаниях, разъяснив детали четырех недавних решений, вынесенных Судом в связи с предполагаемой экстрадицией в Таджикистан соответствующих заявителей, и правовые последствия для Российской Федерации (Ходжаев, упомянутый выше; Хайдаров, упомянутое выше; Искандаров против России, № 17185/05, 23 сентября 2010 г., и Гафоров против России, № 25404/09, 21 октября 2010 г.).

23. Решением, принятым в тот же день, городской суд оставил в силе постановление о выдаче, не обнаружив никаких препятствий для выдачи заявителя в Таджикистан. Доводы заявительницы, основанные на обязательствах России по Конвенции и прецедентной практике

Европейского Суда, были отклонены городским судом следующим образом:

«...доводы о том, что заявитель может подвергнуться преследованию по религиозным мотивам и относительно серьезной опасности применения пыток в ходе уголовного преследования в Таджикистане... суд считает необоснованными, поскольку эти доводы представляют собой предположения, которые не способ подтвержден; напротив, они полностью опровергаются материалами дела, изученными судом, и в частности письменными гарантиями заместителя Генерального прокурора Республики Таджикистан...

Доводы... о том, что в Республике Таджикистан имеют место пытки и преследования по религиозным и политическим мотивам, что подтверждается документами Европейского суда по правам человека и других организаций по защите прав человека... суд считает обоснованными быть необоснованным, поскольку эти документы относятся к другим лицам, но не к [заявителю]; более того, эти доводы опровергаются вышеупомянутыми письменными гарантиями таджикской прокуратуры».

24. 9 декабря 2010 г. Верховный суд оставил в силе решение городского суда. Аргумент заявителя о том, что его экстрадиция нарушила бы статью 3 Конвенции, был отклонен Верховным Судом единственной ссылкой на текст письменных гарантий, предоставленных прокуратурой Таджикистана.

С. Заявление о предоставлении статуса беженца и временного убежища

25. 22 декабря 2009 г. заявитель обратился в Москва Городотделение Федеральной миграционной службы России («ФМС») для получения статуса беженца. Он утверждал, что подвергался преследованиям в Таджикистане на основании своих религиозных убеждений и что в случае экстрадиции он будет подвергнут пыткам.

26. 26 апреля 2010 г. Москва Городотделение ФМС отказало в удовлетворении заявления. Заявитель был уведомлен о решении 12 мая 2010 года.

27. 26 августа 2010 г. заместитель директора ФМС отклонил жалобу, поданную заявителем на это решение. Он напомнил заявителю, что ИДУ рассматривалось верховными судами как Таджикистана, так и России как организация, осуществляющая террористическую деятельность. Отмечая широкую международную критику применения пыток и безнаказанности государственных должностных лиц, ответственных за Таджикистан, заместитель директора ФМС не нашел веских оснований опасаться преследования заявителя по религиозным мотивам. Отмечая, что подавляющее большинство населения г.Таджикистан были мусульманами, он счел маловероятным, что заявитель подвергнется преследованию

исключительно на основании своих исламских убеждений. Что же касается попытки властей усилить контроль над религиозными убеждениями, то она расценивалась как преследующая понятную цель ограничения влияния радикального ислама, в том числе ИДУ. Он пришел к выводу, что заявитель не имел права на получение статуса беженца и что его ходатайство было мотивировано его намерением избежать уголовной ответственности в Таджикистане. В то же время он отметил, что наличие обоснованных опасений стать жертвой пыток или жестокого обращения может быть основанием для предоставления заявителю временного убежища в России в соответствии со статьей 12 Закона о беженцах.

28. 1 октября 2010 г. заявитель обжаловал решение ФМС в Басманный районный суд г. Москвы. Он утверждал, что ФМС не провела тщательного и адекватного анализа ситуации в Таджикистане и не приняла во внимание информацию, предоставленную в этой связи различными международными источниками. Он также утверждал, что ФМС считала его виновным в правонарушениях, вменяемых ему таджикскими властями, и фактически поддержала версию фактов, представленную прокуратурой Таджикистана.

29. 10 ноября 2010 г. Басманный районный суд оставил в силе решение ФМС от 26 августа 2010 г. Он сослался на доводы, содержащиеся в этом решении, сочтя их убедительными и посчитав, что заявитель не представил доказательств обратного. 6 декабря 2010 г. решение суда было оставлено без изменения Московским городским судом.

30. 24 мая 2011 г. заявитель обратился в ФМС за временным убежищем в г.Россия. 2 июня 2011 года Представительство УВКБ ООН в России уведомило представителя заявителя о том, что он соответствует критериям, установленным его уставом, и имеет право на международную защиту в соответствии с его мандатом.

31. 6 сентября 2011 г. Москва Городотделение ФМС предоставило заявителю временное убежище в России и выдал соответствующий сертификат. Справка была зарегистрирована под номером ВУ № 0004219 и вручена заявителю 8 сентября 2011 г. в присутствии его адвоката.

D. Решения судов относительно содержания заявителя под стражей в ожидании экстрадиции

32. После задержания заявителя в Москва (см. пункт 17 выше), 23 ноября 2009 года Мещанский районный суд г. Москва распорядился о его задержании до экстрадиции.

33. 15 января 2010 г. тот же суд продлил срок содержания заявителя под стражей до 21 мая 2010 г. Заявитель подал жалобу на это решение

1 февраля 2010 г. Она была отклонена городским судом 22 марта 2010 г.

34. 17 мая 2010 г. Мещанский районный суд продлил срок содержания заявителя под стражей до 21 ноября 2010 г. Заявитель обжаловал это решение 19 мая 2010 г. Городской суд отклонил жалобу 12 июля 2010 г.

35. 19 ноября 2010 г. городской суд продлил срок содержания заявителя под стражей до 21 мая 2011 г. 22 ноября 2010 г. заявитель подал жалобу на это решение, которая была отклонена Верховным судом России 21 декабря 2010 г.

36. 20 мая 2011 года прокурор Мещанского района распорядился об освобождении заявителя под личное поручительство, предоставленное его адвокатом в соответствии со статьей 103 Уголовно-процессуального кодекса.

Е. Предполагаемое похищение и перевод заявителя в Таджикистан

1. Версия заявителя о событиях

37. Согласно письменным показаниям заявителя и дополнительной информации, полученной его представителями от свидетелей и других доступных источников, его похищение и передача в Таджикистан происходило следующим образом.

38. Около 21:00 или 22:00 31 октября 2011 г. заявитель и его друг ехали по Юго-Западному округу Москвы, когда их автомобиль был заблокирован микроавтобусом в Мичуринский проспект. Согласно подробностям, предоставленным адвокатом заявителя полиции и следственным органам, инцидент произошел между 23:30 и 23:45 на проспекте Вернадского, 15 в Москве. Заявитель и его друг вышли из машины и попытались скрыться. За ними следовали трое или четверо неизвестных, которые произвели два выстрела. Другу заявителя удалось скрыться, а заявителя остановили, избили дубинкой и затолкали в микроавтобус теми же людьми, которые не представились.

39. Заявителя продержали в микроавтобусе сутки и сутки. Задержавшие его лица подвергали его пыткам и жестокому обращению. Они избили его, приставили к голове пистолет и угрожали убить, если он не согласится вернуться на родину. Заявитель показал им справку о временном убежище, выданную ФМС, но в ответ они только посмеялись над ним. Лицо, задавшее вопросы заявителю, было таджикского происхождения.

40. Вечером следующего дня похитители доставили заявителя прямо на аэродром московского аэропорта Домодедово, минуя обычные пограничные и таможенные формальности и проверки

безопасности. Заявитель был передан таджикскому патрулю, который заставил его сесть в ближайший самолет без предъявления билета или каких-либо проездных документов.

41. Около 4 часов утра следующего дня самолет прибыл на аэропорт в Худжанде Таджикистан, где заявитель был передан таджикским властям. Его просьбы об адвокате были отклонены. Согласно письменным показаниям отца заявителя, заявитель содержался под стражей и допрашивался в течение неопределенного периода времени в Худжандском отделении милиции. Отец заявителя письменно показал, что сотрудники милиции, один из которых был идентифицирован как С.М., жестоко обращались с заявителем, чтобы заставить его признаться в преступлениях, которых он никогда не совершал, и заявить, что он вернулся в Таджикистан добровольно. Он также показал, что 20 декабря 2012 года следователь Р.Р. отказал ему в встрече с его сыном, находящимся под стражей, сославшись на то, что отец не помог властям задержать заявителя и вернуть его в страну.

2. Информация, предоставленная Правительством

42. Доводы властей Российской Федерации в отношении изложения заявителем фактов сводились к следующему.

43. После запросов Суда письма, полученные от Правительства от 18 ноября 2011 г. и 29 февраля 2012 г., не содержали информации о местонахождении заявителя или пересечении им государственной границы. Правительство далее утверждало, что права и свободы заявителя не были каким-либо образом ограничены после его освобождения 20 мая 2011 г., что закон не обязывал власти обеспечивать какое-либо наблюдение за заявителем, что его экстрадиция или высылка были приостановлены в соответствии с временными мерами, предписанным Судом, и что он, следовательно, не был передан Таджикистану в рамках процедуры экстрадиции.

44. 5 апреля 2012 г. Правительство ретранслировало официальную информацию, предоставленную Генеральным прокурором Таджикистана 26 марта 2012 г. своему российскому коллеге, согласно которой заявитель «добровольно сдался» 3 ноября 2011 г. в Согдийское областное управление по борьбе с организованными преступлениями (РОБОП) и содержался в изоляторе временного содержания № 11. 2 (СИЗО №2) г. Худжанда.

45. Согласно последней информации, полученной от властей Российской Федерации 25 февраля 2013 г., расследование похищения и передачи заявителя все еще не завершено.

Г. Просит защитить заявителя от неминуемой опасности его принудительного перевода в Таджикистан

46. Узнав о похищении заявителя вечером 31 октября 2011 г., его представители немедленно связались с компетентными российскими властями, попросив их принять срочные меры для предотвращения насильственного выдворения заявителя с территории России.

47. Между 3 и 5 часами утра 1 ноября г-жа Е. Рябина направила по факсу четыре официальных запроса на этот счет начальнику Московского городского управления полиции, директору ФМС, Генеральному прокурору и Уполномоченному Российской Федерации в суде, соответственно. Она также обратилась за помощью к Уполномоченному по правам человека Российская Федерация.

48. В своем письме начальнику Московского городского управления милиции представитель заявителя изложила обстоятельства похищения заявителя. Она также напомнила ему о правовом статусе заявителя как лица, которому ФМС предоставила временное убежище, и Суд применил временные меры для предотвращения его экстрадиции. Письмо заканчивалось следующим образом:

«Ввиду [этих обстоятельств] есть веские основания опасаться, что в отношении [заявителя] была предпринята попытка похищения с целью его последующего незаконного перевода из России в Таджикистан, власти которого запросили его экстрадицию для уголовного преследования.

Ситуация усугубляется тем, что брат заявителя [Ш. Т.] пропал без вести 8 сентября в Москве, согласно информации, предоставленной его женой, был заключен под стражу 13 сентября в Худжанде, Республика Таджикистан, где он до сих пор находится под стражей. Некоторое время назад, 23 августа с.г., в Москве пропали два других лица, ищущих убежища, которые были защищены от принудительного перемещения [обеспечительными мерами] Европейского суда: гражданин Таджикистана С.К. и гражданин Узбекистана М.А. Оба они были переведены в Таджикистан и заключены под стражу. Любые утверждения о том, что они уехали добровольно, должны быть исключены, так как у них не было документов, позволяющих им пересечь государственную границу Российской Федерации: национальный паспорт М.А. Москва отделение ФМС, а С.К. несколько лет назад потерял паспорт. ...»

49. В тот же день Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации также направил начальнику Московского городского управления полиции письмо следующего содержания:

«...Есть веские основания опасаться, что может быть предпринята попытка незаконного перевода [заявителя] в Таджикистан, где его жизни угрожает опасность.

Сегодня, 1 ноября 2011 г., [представитель заявителя] просил вас принять срочные меры для предотвращения насильственного перемещения [заявителя] с территории Российской Федерации, прежде всего, через аэропорты г. Москва.

Прошу рассмотреть [вышеупомянутую] просьбу в кратчайшие сроки и принять все возможные меры с целью розыска [заявителя] и предотвращения его насильственного вывоза с территории Российской Федерации. Российская Федерация.

Прошу вас сообщить мне о результатах рассмотрения вашего запроса».

50. Нет информации о каких-либо защитных мерах, принятых соответствующими органами в ответ на какой-либо из этих запросов.

51. 7 ноября 2011 года Представительство Российской Федерации при Суде ответило представителю заявителя, что в соответствии с обеспечительными мерами, принятыми Судом, российские власти воздерживаются от его экстрадиции и что соответствующее распоряжение было направлено в Федеральная служба исполнения наказаний (ФСИН), Генеральная прокуратура и МВД.

Г. Письмо Секретаря Суда после похищения заявителя и перевода в Таджикистан

52. После жалобы заявителя на его похищение в настоящем деле и аналогичные события в некоторых других делах 25 января 2012 г. Секретарь Суда направил письмо Представителю Российской Федерации в Суде. Письмо гласило следующее:

«Председатель Суда, сэръ Николас Братца, поручил мне выразить от его имени глубокую озабоченность в связи с исчезновением заявителя в России его последующий перевод в Таджикистан несмотря на обеспечительные меры, указанные в соответствии с Правилем 39 Регламента Суда.

Президент отметил, что после решения Суда по делу Искандарова (№ 17185/05 от 23 сентября 2010 г.), в котором он признал Российскую Федерацию ответственной за нарушение статьи 3 в связи с необъяснимым похищением и передачей заявителя в Таджикистан неустановленными лиц, Суд сталкивался с повторными инцидентами такого рода в четырех других делах, включая вышеупомянутое дело (остальные три дела: Абдулхаков против России, № 14743/11; СК против России, № 58221). /10 и Зохидов против России, № 67286/10). Объяснения, предоставленные на данный момент Правительством, не проясняют, как заявители могли против своей воли быть перемещены через Русский Состояние границу, несмотря на официальные заверения правительства о том, что до рассмотрения их дел Судом их экстрадиция производиться не будет.

Президент глубоко обеспокоен этими событиями. Он особенно обеспокоен их последствиями для авторитета Суда и возможным продолжением таких неприемлемых инцидентов в делах других заявителей, к которым все еще применяются обеспечительные меры в связи с неизбежным риском нарушения их прав, предусмотренных статьями 2 и 3 Уголовного кодекса. Конвенции в странах назначения. В знак серьезности, с которой он относится к такому повороту событий, Президент попросил немедленно сообщить об этом

Председателю Комитета министров, Председателю Парламентской ассамблеи и Генеральному секретарю Совета Европы.

Председатель также отмечает, что Коллегия Суда запросила у Правительства дополнительные замечания для разрешения этой тревожной и беспрецедентной ситуации, и ожидает, что российские компетентные органы предоставят Суду исчерпывающую информацию о последующих мерах, принятых в связи с инцидентами в Российской Федерации. Тем временем внимание ваших властей обращается на тот факт, что обеспечительные меры продолжают применяться в соответствии с правилом 39 в двадцати пяти других российских делах, касающихся экстрадиции или высылки. Эти случаи перечислены в приложении к настоящему письму».

53. 5 марта 2012 года Представитель Российской Федерации в Суде проинформировал Секретаря в ответ, что соответствующая информация будет представлена «после получения необходимых данных от соответствующих органов».

Н. Официальное расследование и неоднократные отказы в возбуждении уголовного дела в отношении оспариваемых событий

54. 30 ноября и 2 декабря 2011 г. Министерство внутренних дел уведомило представителя заявительницы о том, что ее жалоба на похищение заявительницы была направлена в Юго-Западное управление милиции г. Москвы (УВД по Юго-Западному АО ГУ МВД России по г. Москве) и затем в Гагаринский межрайонный следственный отдел Юго-Западного административного округа г. Москвы (Гагаринский МСО СУ по ЮЗАО ГСУ СК РФ). 30 декабря 2011 года последний решил передать дело в Никулинский межрайонный следственный отдел Юго-Западного административного округа г. Москвы (Никулинское МСО СУ по ЮЗАО ГСУ СК РФ по г. Разделение").

1. Первый отказ следователя в возбуждении уголовного дела и его отмена его начальником.

55. В соответствии со статьей 144 УПК старший следователь Никулинского следственного отдела П.К. провел доследственную проверку (проверка сообщений о преступлении – «дознание»).

56. 21 марта 2012 г. П.К. отказал в возбуждении уголовного дела в отношении предполагаемого похищения заявителя на основании отсутствия состава преступления. После краткого изложения фактов, представленных представителем заявителя, старший следователь пришел к следующему выводу:

«...проанализировав материалы дознания, следственный орган в настоящее время не находит признаков преступления, предусмотренного статьями 126 и

127 УК РФ, поскольку объективно не установлено, остается ли заявитель на территории Российской Федерации или пересекло границу Российской Федерации. В ходе проверки также была получена информация о том, что обстрелов или похищений людей на территории, где предположительно был похищен [заявитель], не зарегистрировано. Следственный орган не исключает возможности того, что после освобождения [заявителя] из-под стражи он мог инсценировать свое похищение с целью избежать уголовной ответственности за преступления, совершенные им на территории Республики Таджикистан».

57. В тот же день начальник Никулинского следственного отдела С.К. отменил вышеуказанное постановление и вернул дело тому же старшему следователю на доследование. Его решение было мотивировано следующим:

«Отказ следователя в возбуждении уголовного дела необоснован и подлежит отмене. В ходе дальнейшего расследования необходимо получить ответы на все запросы о предоставлении информации, направленные по данному вопросу, и приступить к дополнительному опросу [представителя заявителя]».

58. 27 марта 2012 года начальник Первого отдела процессуального надзора Московского Главного следственного управления (ГСУ СК России по г. Москве) также потребовал провести дополнительное расследование по этому делу. Кроме того, 30 марта 2012 г. заместитель Никулинского межрайонного прокурора (заместитель Никулинского межрайонного прокурора) обратился к следователю с просьбой установить, причастны ли российские власти к предполагаемому похищению заявителя.

2. Повторный отказ следователя в возбуждении уголовного дела и его отмена его начальником.

59. 20 апреля 2012 г. старший следователь П.К. вновь отказал в возбуждении уголовного дела новым постановлением, дословно повторяющим его предыдущее постановление от 21 марта 2012 г. (см. п.56выше).

60. 23 апреля 2012 года заместитель начальника Никулинского следственного отдела А.Н. отменил это постановление, также дословно повторив предыдущее постановление начальника Никулинского следственного отдела от 21 марта 2012 года, которым было отменено первое постановление П.К. от того же числа. (см. пункт57выше).

3. Третий отказ следователя в возбуждении уголовного дела и его отмена его начальником.

61. 23 мая 2012 г. старший следователь П.К. вновь отказал в возбуждении уголовного дела по факту похищения заявителя. Текст этого решения не был представлен Суду.

62. 9 июня 2012 года заместитель начальника Никулинского следственного отдела А.Н. вновь отменил это постановление и потребовал предпринять следующие процессуальные действия:

«В ходе дальнейшего расследования необходимо направить повторный запрос в правоохранительные органы Республики Таджикистан для выяснения следующих вопросов: пересек ли [заявитель] границу Таджикистана; находится ли [заявитель] в следственном изоляторе; и было ли возбуждено уголовное дело против [заявителя]?»

На основании материалов о возможном незаконном пересечении границы Российской Федерации заявителем... и материалов, направленных в ФСБ для проведения проверки по статье 151 УК РФ, необходимо возбудить отдельное производство. Уголовно-процессуальный кодекс.

... [представителя заявителя] необходимо допросить по следующим вопросам: является ли она по-прежнему представителем [заявителя] и может ли она прояснить что-либо относительно [его] пересечения границы? Для принятия законного и обоснованного решения необходимо провести ряд других проверочных мероприятий».

4. Четвертый отказ следователя в возбуждении уголовного дела

63. 9 июля 2012 г. следователь Никулинского следственного отдела А.З. отказал в возбуждении уголовного дела по факту похищения заявителя. После краткого изложения фактов решение гласило следующее:

«По информации, полученной от Пограничного управления Федеральной службы безопасности России («ФСБ»), законодательством Российской Федерации не предусмотрена регистрация имен лиц, пересекающих Государственную границу Российской Федерации. В соответствии со статьей 30(15) Закона о Государственной границе Российской Федерации контролируется только количество лиц, пересекающих границу.

Таким образом, невозможно подтвердить или опровергнуть информацию о пересечении государственной границы [заявителем].

На запрос о предоставлении информации о [заявителе], гражданине Республики Таджикистан, Генеральная прокуратура Республики Таджикистан ответила, что вышеупомянутый запрос не может быть удовлетворен, поскольку он был сделан в нарушение Конвенции от 22 января. 1993 г. по юридической помощи и правовым отношениям по гражданско-семейным и уголовным делам.

Органы полиции, отвечающие за соответствующую территорию, не получали за соответствующий период информации о противоправных действиях, связанных либо с применением оружия, либо с похищением людей при обстоятельствах, указанных в заявлении.

The Москва Города Региональное управление ФСБ имеет в своем распоряжении материалы по проверкам возможного незаконного пересечения границы РФ.Российская Федерация[заявителем].

Учитывая, что [заявитель] находится в розыске за совершение преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 186 и ч. 2 ст. 187 Уголовного кодекса [Таджикистана], он мог инсценировать свое похищение с целью избежать уголовной ответственности за преступления, совершенные им на территории Республики Таджикистан.

Таким образом, предварительное расследование не установило объективных данных, свидетельствующих о похищении [заявителя]».

Следователь направил вышеуказанное постановление представителям заявителя 16 августа 2012 года.

5. Последующие запросы

64. 25 февраля 2013 г. Правительство сообщило Суду, что аналогичные расследования продолжаются и все еще не завершены. Никаких дальнейших решений следственных органов или документов Суду представлено не было. Согласно информации Правительства, проверка установила, что заявитель незаконно пересек проезжую часть Русской Состояниеграницы, сдался таджикским властям и был помещен под стражу. Постановление следователя от 9 июля 2012 года об отказе в возбуждении уголовного дела было вновь отменено его начальником в неустановленную дату. По данным Правительства, последнее постановление об отказе в возбуждении уголовного дела было вынесено 29 ноября 2012 года начальником Никулинского следственного отдела, но снова было отменено. В результате дело было возвращено следователям для дополнительного расследования.

65. Правительство также уточнило, что ФСБ было предложено проверить информацию о незаконном пересечении заявителем государственной границы. Другой запрос был направлен таджикским властям для установления местонахождения заявителя в Таджикистан. Однако по состоянию на 23 января ни на один запрос не было получено ответов.

I. Уголовный процесс над заявителем в Таджикистане

66. Представители заявителя проинформировали Суд о том, что 30 ноября 2011 года Согдийский областной суд Таджикистана начал рассмотрение уголовного дела в отношении тридцати четырех лиц, включая заявителя. Заявитель обвинялся в совершении различных преступлений по статьям 185 § 1, 186 § 1, 187 §§ 1 и 2, 189 § 3 (а), 244 § 4 (в), 306 и 307 § 3 Уголовного кодекса Таджикистана. .

67. Публичные слушания проводились судом с 29 января 2012 г. Адвокат РТ, принимавший участие в судебном процессе, представил представителям заявителя письменные показания, свидетельствующие о том, что заявитель не признал себя виновным в судебном заседании.

Как сообщает RT, заявитель утверждал, что его похитили в г.Москва, принудительно переведен вТаджикистан и пытали, чтобы заставить его признаться в преступлениях.

68. В марте и апреле 2012 года одиннадцать родственников обвиняемых неоднократно просили прокурора Согдийской области Ш.К. и председателя Согдийского областного суда Н.М. назначить судебно-медицинскую экспертизу тридцати четырех обвиняемых в для проверки их утверждений о том, что они подвергались пыткам со стороны властей в ходе уголовного разбирательства. Их письменный запрос ссылался на соответствующие положения Конституции и Уголовно-процессуального кодекса Таджикистана, которые запрещают применение пыток и исключают любые доказательства, полученные под принуждением. Мать заявителя обратилась с аналогичной просьбой в отношении заявителя. Информация о реакции властей на эти запросы отсутствует.

69. 19 апреля 2012 г.Согдийский областной суд признал заявителя виновным и приговорил его к двадцати шести годам лишения свободы. Тридцать три его обвиняемых также были признаны виновными и приговорены к различным срокам лишения свободы от восьми до двадцати восьми лет.

II. ПРИМЕНИМОЕ ВНУТРЕННЕЕ И МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

A. Процедура экстрадиции

1. Уголовно-процессуальный кодекс

70. Глава 54 Уголовно-процессуального кодекса («УПК») 2002 года регулирует процедуру, которой необходимо следовать в случае экстрадиции.

71. Решение о выдаче, принятое Генеральным прокурором, может быть обжаловано в суде (пункт 1 статьи 463). В этом случае постановление о выдаче не должно приводиться в исполнение до вынесения окончательного судебного решения (статья 462 § 6).

72. Суд должен проверить законность и обоснованность решения о выдаче в течение месяца с момента получения запроса о пересмотре. Решение должно быть принято в открытом судебном заседании коллегией из трех судей в присутствии прокурора, лица, в отношении которого запрашивается экстрадиция, и его адвоката (статья 463 § 4).

73. Вопросы вины или невиновности не входят в сферу судебного контроля, который ограничивается оценкой того, был ли выдан приказ

о выдаче в соответствии с процедурой, установленной применимым международным и национальным законодательством (статья 463 § 6).

74. В пункте 1 статьи 464 перечислены условия, при которых выдача не может быть разрешена. Таким образом, в выдаче следует отказать: гражданин России (статья 464 § 1 (1)) или лицо, которому предоставлено убежище в России (статья 464 § 1 (2)); лицо, в отношении которого в России вступил в силу обвинительный приговор или уголовное преследование прекращено в связи с тем же деянием, за которое оно привлекалось к ответственности в запрашивающем государстве (статья 464 § 1 (3)); лицо, в отношении которого не может быть возбуждено уголовное дело или обвинительный приговор не может быть вступившим в законную силу ввиду истечения установленного законом срока или по иным уважительным основаниям, предусмотренным законодательством Российской Федерации (часть 4 части 1 статьи 464); либо лицо, в отношении которого судом Российской Федерации запрещена экстрадиция в соответствии с законодательством и международными договорами Российской Федерации (часть 1 (5) статьи 464). Наконец,

75. В случае, если иностранный гражданин, экстрадиция которого запрашивается, находится под следствием или отбывает наказание за иное уголовное преступление в России, его экстрадиция может быть отложена до прекращения уголовного преследования, снятия наказания по любому уважительному основанию или наказание отбыто (статья 465 § 1).

2. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 14 июня 2012 г.

76. В своем постановлении №. Постановлением № 11 от 14 июня 2012 года Пленум Верховного Суда РФ указал со ссылкой на статью 3 Конвенции, что в выдаче должно быть отказано, если имеются серьезные основания полагать, что лицо может быть подвергнуто пыткам или бесчеловечному или унижающему достоинство обращению в запрашивающая страна. В выдаче также может быть отказано, если обнаруживаются исключительные обстоятельства, которые могут повлечь за собой опасность для жизни и здоровья лица, в том числе в силу его возраста или физического состояния. Российские власти, занимающиеся делом об экстрадиции, должны изучить, есть ли основания полагать, что соответствующее лицо может быть приговорено к смертной казни, подвергнуто жестокому обращению или преследованию из-за его или ее расы, религиозных убеждений, национальности, этнического или социального происхождения. или политические взгляды. Суды должны оценивать как общую ситуацию в запрашивающей стране, так и личные обстоятельства лица, экстрадиция которого запрашивается. Они

должны принимать во внимание показания соответствующего лица и любых свидетелей, любые заверения запрашивающей страны и информацию о стране, предоставленную министерством иностранных дел, компетентными учреждениями Организации Объединенных Наций и Европейским комитетом по делам беженцев. Предупреждение пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания.

В. Содержание под стражей в ожидании экстрадиции и судебного пересмотра

1. Конституция России

77. Конституция гарантирует право на свободу (статья 22):

«1. Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность.

2. Арест, заключение под стражу и задержание допускаются только на основании судебного решения. До вынесения судебного решения лицо не может быть задержано более чем на сорок восемь часов».

78. Статья 46 Конституции предусматривает, в том числе, что каждому должна быть гарантирована судебная защита его прав и свобод, и предусматривает, что решения, действия или бездействие государственных органов, органов местного самоуправления, общественных объединений и должностных лиц могут быть обжалованы в суд. .

2. Конвенция СНГ о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам 1993 г. («Конвенция МинскСоглашение»)

79. При совершении действий, предусмотренных Минской конвенцией, участниками которой являются Россия и Таджикистан, официальный орган применяет внутреннее законодательство своей страны (статья 8 § 1).

80. Запрос о выдаче должен сопровождаться постановлением о заключении под стражу (статья 58 § 2). При получении запроса о выдаче должны быть незамедлительно приняты меры по розыску и задержанию лица, выдача которого запрашивается, за исключением случаев, когда это лицо не может быть выдано (статья 60).

81. Лицо, выдача которого запрашивается, может быть арестовано до получения запроса о его выдаче. В таких случаях должен быть направлен специальный запрос об аресте, содержащий ссылку на постановление о заключении под стражу и указывающий, что последует запрос о выдаче (статья 61 § 1). Лицо может быть

арестовано и в отсутствие такого запроса, если есть основания подозревать, что оно совершило на территории другой Договаривающейся Стороны преступление, в связи с которым может быть затребована выдача. Другая Договаривающаяся Сторона должна быть немедленно проинформирована об аресте (статья 61 § 2).

82. Лицо, задержанное в ожидании выдачи в соответствии со статьей 61 § 1 Минской конвенции, должно быть освобождено, если запрашивающая страна не представит официальный запрос о выдаче со всеми необходимыми подтверждающими документами в течение сорока дней с даты заключения под стражу (статья 62 § 1). 1).

3. Уголовно-процессуальный кодекс («УПК»)

83. Пункт 3 статьи 1 УПК РФ предусматривает, что общие принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью его законодательства об уголовном судопроизводстве. Если международным договором предусмотрены иные правила, чем те, которые установлены в УПК, применяются первые.

84. Глава 13 УПК («Меры пресечения») регулирует применение мер пресечения или мер пресечения в период возбуждения уголовного дела. К таким мерам относится заключение под стражу. Заключение под стражу может быть назначено судом по заявлению следователя или прокурора, если лицо обвиняется в совершении преступления, за которое предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок не менее двух лет, при условии, что менее строгая мера пресечения не может быть применена (статья 108 § § 1 и 3). Судебное решение о заключении лица под стражу может быть обжаловано в вышестоящий суд в трехдневный срок. Высший суд должен принять решение по апелляции в течение трех дней с даты подачи апелляции (статья 108 § 11).

85. Срок содержания под стражей в ожидании расследования не может превышать двух месяцев (статья 109 § 1). Судья может продлить этот срок до шести месяцев (статья 109 § 2). Дальнейшее продление до двенадцати месяцев, а в исключительных случаях до восемнадцати месяцев может быть предоставлено только в том случае, если лицо обвиняется в совершении тяжких или особо тяжких уголовных преступлений (статья 109 § 3). Продление срока свыше восемнадцати месяцев не допускается, и задержанный должен быть немедленно освобожден (статья 109 § 4).

86. Глава 54 («Выдача лица для уголовного преследования или исполнения приговора») регулирует процедуры экстрадиции. При поступлении запроса о выдаче, не сопровождаемого ордером на арест, выданным судом иностранного государства, прокурор должен принять решение о мере пресечения в отношении лица, выдача которого

запрашивается. Мера должна быть применена в установленном порядке (пункт 1 статьи 466). Если к запросу о выдаче прилагается постановление суда иностранного государства о заключении под стражу, прокурор может наложить на заинтересованное лицо домашний арест или заключить его под стражу «без истребования подтверждения обоснованности этого постановления у российского суда» (Статья 466 § 2).

4. Практика Конституционного и Верховного судов России

87. По решению №. Постановлением Конституционного суда от 4 апреля 2006 г. № 101-О, отсутствие какой-либо конкретной регламентации вопросов содержания под стражей в части 1 статьи 466 не создает пробела в законодательстве, несовместимого с конституционной гарантией против произвольного задержания. Пункт 1 статьи 8 Минской конвенции предусматривал, что при исполнении просьбы о правовой помощи запрашиваемая сторона применяет свое внутреннее законодательство, что в случае России представляет собой процедуру, изложенную в УПК. Такой порядок включал, в частности, пункт 1 статьи 466 Кодекса и нормы его главы 13 («Меры пресечения»), которые в силу своего общего характера и положения в части I Кодекса («Общие положения») распространяется на все стадии и формы уголовного судопроизводства, в том числе производство по рассмотрению экстрадиционных запросов. Соответственно,

88. По решению №. от 1 марта 2007 года № 333-ОП. Конституционный суд постановил, что, хотя статьи 61 и 62 Минской конвенции не регулируют процедуру содержания под стражей до получения запроса о выдаче, применимые процедуры и сроки должны быть установлены положениями внутреннего законодательства в соответствии со статьей 8 Минской конвенции. . Он также повторил свою установленную прецедентную практику в отношении того, что объем конституционного права на свободу и личную неприкосновенность был таким же для иностранных граждан и лиц без гражданства, как и для российских граждан. Иностранный гражданин или лицо без гражданства не могут быть задержаны в России более сорока восьми часов без судебного решения. Это конституционное требование служило гарантией от чрезмерно длительного содержания под стражей свыше 48 часов, а также от произвольного задержания, поскольку оно требовало, чтобы суд проверял, был ли арест законным и обоснованным. Конституционный суд постановил, что пункт 1 статьи 466 УПК РФ в совокупности с Минской конвенцией не может быть истолкован как допускающий задержание лица на срок более 48 часов на основании запроса о его выдаче. без решения российского суда. Мера пресечения может быть применена только в порядке и сроки, установленные главой 13 УПК.

89. По решению №. Конституционный суд от 19 марта 2009 года N 383-ОО подтвердил конституционность пункта 2 статьи 466 УПК РФ, указав, что данная норма «не устанавливает сроков содержания под стражей, а также не устанавливает оснований и порядка избрания меры пресечения, он лишь подтверждает полномочия прокурора на исполнение уже вынесенного компетентным судебным органом иностранного государства решения о задержании обвиняемого. Следовательно, оспариваемую норму нельзя считать нарушающей конституционные права [истца]...»

90. 29 октября 2009 года Пленум Верховного Суда РФ принял Директивное Постановление № 22, в котором указывалось, что в соответствии с частью 1 статьи 466 УПК РФ только суд может принять решение о заключении под стражу лица, в отношении которого проводится экстрадиционная проверка. находился на рассмотрении, когда власти страны, запрашивающей экстрадицию, не представили решения суда о заключении его или ее под стражу. Судебная санкция на заключение под стражу в такой ситуации должна была быть осуществлена в соответствии со статьей 108 УПК РФ и по ходатайству прокурора о заключении этого лица под стражу. При решении вопроса о заключении лица под стражу суд должен был проверить наличие фактических и правовых оснований для применения меры пресечения. Если запрос об экстрадиции сопровождался постановлением суда иностранного государства о заключении под стражу, прокурор имел право заключить лицо под стражу без санкции суда Российской Федерации (часть 2 статьи 466 УПК РФ) на срок, не превышающий двух месяцев, а решение прокурора могло быть обжаловано в суде в соответствии со статьей 125 УПК РФ. При продлении срока содержания лица под стражей в целях экстрадиции суд должен был применить статью 109 УПК.

91. В своем недавнем постановлении №. Постановлением № 11 от 14 июня 2012 г., упомянутым выше, Пленум Верховного Суда РФ постановил, что лицо, в отношении которого запрашивается экстрадиция, может быть задержано до получения запроса о выдаче только в случаях, предусмотренных международными договорами, участницей которых является Россия, в частности ст. 61 Минской конвенции. Такое содержание под стражей назначается и продлевается судом Российской Федерации в порядке и сроки, установленные статьями 108 и 109 УПК РФ. В постановлении о задержании должен быть указан срок, на который было принято решение о задержании или продлении, и дата его истечения. Если запрос о выдаче не был получен в течение месяца или сорока дней, если запрашивающая страна является стороной Минской конвенции, лицо, выдача которого запрашивается, должно быть немедленно освобождено.

С. Статус беженцев

1. Женевская конвенция о статусе беженцев 1951 г.

92. Статья 33 Конвенции ООН о статусе беженцев 1951 г., ратифицированной Россией от 2 февраля 1993 года, предусматривает следующее:

«1. Ни одно Договаривающееся Государство не должно высылать или возвращать («refouler») беженца каким бы то ни было образом к границам территорий, где его жизни или свободе будет угрожать опасность из-за его расы, религии, национальности, принадлежности к определенной социальной группе или политических убеждений. .

2. Однако на настоящее положение не может претендовать беженец, которого есть разумные основания рассматривать как представляющего угрозу безопасности страны, в которой он находится, или который был осужден вступившим в законную силу решением суда. особо тяжкое преступление, представляет опасность для общества этой страны».

2. Закон о беженцах

93. Закон о беженцах (Закон № 4258-1 от 19 февраля 1993 г.), действовавший в то время, включал определение термина «беженец», содержащееся в статье 1 Женевской конвенции 1951 г. с поправками, внесенными Протоколом 1967 г. к статусу беженцев. Закон определяет беженца как лицо, не являющееся гражданином России, которое в силу обоснованных опасений подвергнуться преследованию по признаку расы, религии, национальности, этнического происхождения, принадлежности к определенной социальной группе или политических убеждений, находится за пределами страны своего гражданства и не может или из-за такого опасения не желает воспользоваться защитой этой страны, или который, не имея гражданства и находясь за пределами страны своего прежнего обычного проживания в результате такого событий, не может или из-за такого страха не желает вернуться к нему (статья 1(1)(1)).

94. Закон не применяется к любому лицу, которое на разумных основаниях считается совершившим преступление против мира, военное преступление, преступление против человечности или серьезное преступление неполитического характера за пределами страны убежища до его допуска в эту страну в качестве лица. ходатайствующих о предоставлении статуса беженца (статья 2(1)(1) и (2)).

95. Лицо, подавшее заявление о предоставлении статуса беженца или которому был предоставлен статус беженца, не может быть возвращено в государство, где его жизнь или свобода были бы под

угрозой из-за его расы, религии, национальности, принадлежности к определенной социальной группе или политических убеждений (раздел 10(1)).

96. Если лицо соответствует критериям, установленным в статье 1(1)(1), или если оно не соответствует этим критериям, но не может быть выдворено или депортировано из России по гуманитарным соображениям, ему может быть предоставлено временное убежище (статья 12(2)). Лицо, которому предоставлено временное убежище, не может быть против его воли возвращено в страну его гражданства или в страну его прежнего обычного проживания (статья 12(4)). Лицо теряет временное убежище, если прекращаются основные обстоятельства, или если ему предоставляется постоянный вид на жительство в России или он устанавливает свое место жительства за пределами территории России (статья 12(5)). Лицо лишено временного убежища, в частности,

97. В соответствии с Порядком предоставления временного убежища, принятым Декретом №. № 274 от 9 апреля 2001 г., действовавший на тот момент, компетентный орган ФМС выдает свидетельство о временном убежище любому лицу, которому оно было выдано (§ 8). Свидетельство является документом, удостоверяющим личность в Российской Федерации (§ 9). При выдаче лицу удостоверения о временном убежище другие его документы, удостоверяющие личность, ФМС временно изымает. Временное убежище предоставляется на срок до одного года, который может продлеваться на каждый последующий год по запросу заинтересованного лица при условии, что основные обстоятельства продолжают существовать (§ 12). Лицо, которому предоставлено временное убежище, пользуется всеми правами и обязанностями, предусмотренными Законом о беженцах, за исключением права на получение единовременного пособия (статья 13).

3. Рекомендация Комитета Министров Совета Европы о праве просителей убежища на эффективное средство правовой защиты

98. Рекомендация № R (98) 13 Комитета министров Совета Европы государствам-членам о праве лиц, ищущих убежища, которым было отказано, на эффективное средство правовой защиты от решений о высылке в контексте статьи 3 Европейской конвенции о правах человека гласит: следующее:

«Комитет министров...

Без ущерба для осуществления любого права лиц, ищущих убежища, которым было отказано, на обжалование отрицательного решения по их ходатайству о

предоставлении убежища, как это рекомендовано, среди прочего, в Рекомендации Совета Европы № R (81) 16 Комитета министров,

Рекомендует правительствам государств-членов, применяя свои собственные процедурные правила, обеспечить соблюдение следующих гарантий в своем законодательстве или практике:

1. Каждому лицу, ищущему убежища, чье ходатайство о предоставлении статуса беженца было отклонено и которое подлежит высылке в страну, в отношении которой это лицо представило обоснованное заявление о том, что оно будет подвергнуто пыткам или бесчеловечное или унижающее достоинство обращение или наказание.

2. При применении пункта 1 настоящей рекомендации средство правовой защиты перед национальным органом считается эффективным, когда: ...

2.2. этот орган обладает компетенцией как принимать решение о наличии условий, предусмотренных статьей 3 Конвенции, так и предоставлять надлежащую помощь; ...

2.4. исполнение постановления о высылке приостанавливается до принятия решения в соответствии с пунктом 2.2».

99. В более общем плане Рекомендация Rec (2004) 6 Комитета министров государствам-членам об улучшении внутренних средств правовой защиты гласит следующее:

Комитет министров...

Подчеркивая, что государства-члены должны обеспечить, чтобы внутренние средства правовой защиты были эффективными в законодательстве и на практике, и что они могут привести к решению по существу жалобы и адекватному возмещению за любое обнаруженное нарушение;

Отмечая, что характер и количество жалоб, поданных в Суд, и выносимых им решений показывают, что государствам-членам более чем когда-либо необходимо эффективно и регулярно удостоверяться в том, что такие средства правовой защиты действительно существуют при любых обстоятельствах...

Принимая во внимание, что наличие эффективных внутренних средств правовой защиты для всех спорных утверждений о нарушении Конвенции должно позволить сократить рабочую нагрузку Суда в результате, с одной стороны, уменьшения числа поступающих к нему дел, а с другой стороны, тот факт, что подробное рассмотрение дел на национальном уровне облегчит их последующее рассмотрение Судом;

подчеркивая, что совершенствование средств правовой защиты на национальном уровне, особенно в отношении повторяющихся дел, также должно способствовать уменьшению рабочей нагрузки Суда;

Рекомендует государствам-членам, принимая во внимание примеры передовой практики, приведенные в приложении:

I. путем постоянного обзора в свете прецедентного права Суда установить, что внутренние средства правовой защиты существуют для любого лица, подающего аргументированную жалобу на нарушение Конвенции, и что эти средства правовой защиты являются эффективными в том смысле, что они могут привести к решению по существу жалобы и адекватное возмещение за любое обнаруженное нарушение;

II. пересматривать после решений Суда, которые указывают на структурные или общие недостатки национального законодательства или практики, эффективность существующих внутренних средств правовой защиты и, при необходимости, устанавливать эффективные средства правовой защиты, чтобы избежать повторного рассмотрения дел в Суде; ...”

D. Уголовное расследование

100. Уголовно-процессуальный кодекс устанавливает, что каждое сообщение о преступлении должно быть принято, проверено и разрешено в трехдневный срок дознавателем, органом дознания, следователем или прокурором. Они могут с привлечением экспертов или самостоятельно приступить к документальным проверкам, проверкам, осмотру документов, предметов или трупов, а также могут выдать принудительные предписания о проведении оперативно-розыскных мероприятий (статья 144 § 1). Вышеупомянутый трехдневный срок может быть продлен при определенных обстоятельствах до десяти и тридцати дней (статья 144 § 3). Уголовное дело может быть возбуждено следователем или прокурором по заявлению лица или по собственной инициативе следственных органов при наличии оснований полагать, что преступление было совершено (статьи 146 и 147).

101. Постановления следователя или прокурора об отказе в возбуждении уголовного дела или прекращении дела, а также иные приказы, действия или бездействие, которые могут привести к нарушению конституционных прав и свобод участников уголовного процесса либо воспрепятствовать доступу гражданина к правосудию, могут быть обжалованы в районный суд, уполномоченный проверять законность и обоснованность оспариваемых решений (статья 125).

III. ДОКЛАДЫ О СИТУАЦИИ В ТАДЖИКИСТАН

102. Отчет, опубликованный Amnesty International в 2007 году, содержал следующую информацию о смерти Садулло Маруфова в полицейском участке (см. выше):

«Садулло Маруфов, член Партии исламского возрождения (ПИВТ), скончался в милиции в мае после того, как его задержали для допроса сотрудники правоохранительных органов в Исфаре. Первоначально полицейские

утверждали, что он покончил жизнь самоубийством, выпрыгнув из окна третьего этажа. ПИВТ заявила, что в отчете о вскрытии указано, что он подвергался избиениям и жестокому обращению, а также утверждалось, что его вытолкнули из окна. Впоследствии Генеральная прокуратура сообщила, что по итогам расследования задержаны трое офицеров».

103. Отчеты Организации Объединенных Наций и неправительственных организаций о ситуации в Таджикистане в рассматриваемое время фигурируют в нескольких постановлениях Суда, упомянутых выше (см., среди прочего, Ходжаев, §§ 72-74, и Гафоров, §§ 93-100). . Совсем недавно о ситуации сообщалось следующее.

104. Завершая свой визит вТаджикистанв мае 2012 года специальный докладчик ООН по пыткам г-н Хуан Э. Мендес заявил, что «давление на задержанных, в основном с целью получения признательных показаний, практикуется в Таджикистане в различных формах, включая угрозы, побои, а иногда и с применением электрошока». ». Он подчеркнул, что «признания, полученные с применением насилия, остаются основным следственным инструментом правоохранительных органов и органов прокуратуры». Он также выразил обеспокоенность по поводу отсутствия гарантий против незаконной экстрадиции или выдачи из других стран и в другие страны, поскольку «похоже, что нет реальной возможности для судебного пересмотра этих мер, которые обычно проводятся правоохранительными органами под руководством Генеральный прокурор. Минская конвенция о правовой помощи по гражданским и уголовным делам 1993 года, другие договоры между странами СНГ... предлагают общие формулировки о защите от злоупотреблений, но более значимо они действуют как международное сотрудничество в правоохранительных органах. В результате международно-правовые запреты на высылку в места, где лицо может быть подвергнуто пыткам или жестокому, бесчеловечному или унижающему достоинство обращению, фактически не гарантируются» (Заключение миссии Специального докладчика ООН по пыткам Хуана Э. Мендес. Предварительные выводы о его визите вРеспубликаизТаджикистан, 10–18 мая 2012 г.).

105. 27 июня 2011 года группа неправительственных организаций, включая международные НПО (Международная Амнистия, Международная федерация прав человека (FIDH), Международная тюремная реформа (PRI) и Всемирная организация против пыток (ОМСТ)), а также таджикские НПО (Бюро по правам человека и соблюдению законности, Центр по правам ребенка, Коллегия адвокатов Согдийской области, Коллегия адвокатов Республики «Сипар» и ряд других) выступили с совместным заявлением. Оно озаглавлено «Таджикистан: коалиция неправительственных

организаций призывает правительство положить конец пыткам и выполнить свои международные обязательства» и, насколько это уместно, гласит следующее:

"ВТаджикистанполицию во многих случаях обвиняли в пытках или избивении задержанных с целью получения денег, признаний или другой информации, избличающей жертву или других лиц. Это злоупотребление в основном имело место на ранних стадиях содержания под стражей; во многих случаях жертв изначально задерживают без контакта с внешним миром...

Сообщения о пытках вТаджикистанвключают использование электрошока; прикрепление к половым органам задержанного пластиковых бутылок, наполненных водой или песком; изнасилование; прижигание сигаретами. Избиение дубинками, дубинками и палками, удары ногами и кулаками также считаются обычным явлением.

... [S] меры защиты от пыток, закрепленные в национальном законодательстве, не всегда соблюдаются. Например, в то время как новый Уголовно-процессуальный кодекс предусматривает, что задержанные имеют право на адвоката с момента их задержания, на практике адвокаты находятся во власти следователей, которые могут отказывать им в доступе на многие дни. В этот период содержания под стражей без связи с внешним миром риск пыток или других видов жестокого обращения особенно высок. Новый Уголовно-процессуальный кодекс также ввел предварительное слушание в течение 72 часов после ареста подозреваемого. Однако зачастую они происходят с опозданием, и судьи во многих случаях игнорируют заявления о пытках и телесных повреждениях, предъявленных им в зале суда. Обычно они опираются на версию событий, которую дают обвиняемые в пытках.

Плановые медицинские осмотры при поступлении задержанных в отделения милиции и изоляторы временного содержания не проводятся. При переводе в следственные изоляторы, подведомственные Министерству юстиции, они проходят медицинское освидетельствование. Однако, когда медицинские работники подозревают, что задержанный [подвергся] пыткам или другим видам жестокого обращения, они... обычно возвращают его в изолятор временного содержания до исчезновения следов телесных повреждений.

Жертвы редко подают жалобы ... из-за страха перед последствиями, а безнаказанность злоупотребляющих офицеров является нормой. Часто родственники и адвокаты неохотно подают жалобы, чтобы не ухудшить положение задержанного.

Прокуратуре поручено расследовать заявления о пытках. Иногда тесные личные и структурные связи между прокуратурой и полицией подрывают беспристрастность прокуроров. Власти не публиковали исчерпывающую статистику о привлечении к ответственности сотрудников правоохранительных органов конкретно за пытки или другие виды жестокого обращения, а не более общие обвинения, такие как «злоупотребление властью» или «превышение должностных полномочий».

Судьи [регулярно] основывают приговоры на доказательствах, якобы полученных под принуждением...

Таджикистане предоставляет Международному комитету Красного Креста доступ в места содержания под стражей для проведения мониторинга с 2004 года. Он не ратифицировал Факультативный протокол к Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания, который предусматривает систему регулярные посещения мест содержания под стражей, осуществляемые независимыми международными и национальными органами».

106. В январе 2012 г. Хьюман Райтс Вотч выпустила свой «Всемирный отчет за 2012 г.», в котором соответствующая глава, посвященная Таджикистану состояния:

«Пытки остаются постоянной проблемой в пенитенциарной системе Таджикистана и используются для получения признательных показаний от подсудимых, которым часто отказывают в доступе к семье и адвокату во время первоначального задержания. Несмотря на переговоры с Международным комитетом Красного Креста (МККК) в августе, власти не предоставили МККК доступ в места содержания под стражей. Правозащитным группам, за редким исключением, также отказывают в доступе.

В то время как пытки практикуются почти безнаказанно, власти предприняли несколько небольших шагов, чтобы привлечь виновных к ответственности...

Под предлогом борьбы с экстремистскими угрозами Таджикистан продолжает запрещать несколько мирных групп мусульманских меньшинств... Местные СМИ продолжали сообщать о преследованиях предполагаемых членов «Хизб ут-Тахрир» и движения «Джамаат Таблиг».

107. В отчете Amnesty International под названием «Разрушенные жизни: пытки и другие виды жестокого обращения в Таджикистане», опубликованном 12 июля 2012 года, говорится следующее:

«...Исследование Amnesty International показывает, что практика пыток и других видов жестокого обращения по-прежнему широко распространена во всех типах мест содержания под стражей в Таджикистан. Установлено, что задержанные на ранних стадиях содержания под стражей подвергаются особому риску, подвергаясь пыткам и другим видам жестокого обращения со стороны сотрудников правоохранительных органов с целью «раскрытия» преступлений путем получения признательных показаний, а также получения денежных средств от жертв пыток или их родственников. Общая атмосфера безнаказанности делает злоупотребления со стороны полиции практически беспрепятственными...

2. Масштабы пыток и других видов жестокого обращения в Таджикистан

В Таджикистан пытки и жестокое обращение происходят в обстановке секретности. [Т] правонарушители редко привлекаются к ответственности ... [П] пытки и другие виды жестокого обращения имеют место, особенно во время предварительного заключения ... Внутреннее законодательство имеет значительные недостатки, когда речь идет о гарантиях против пыток. Кроме того, те важные гарантии, которые существуют в законе, такие как доступ к адвокату сразу после задержания, редко применяются на практике...

2.1. пытки и другие виды жестокого обращения со стороны полиции

[Г] рутинное применение пыток связано с отсутствием технических возможностей для расследования преступлений... Местный независимый наблюдатель за соблюдением прав человека сообщил Amnesty International, что: «люди могут уйти без побоев в менее серьезных случаях, но в делах, связанных с тяжкими преступлениями, – если они не признаются, их бьют», добавив, что полиция «не колеблясь прибегнет к насилию...»

2.2. пытки и другие виды жестокого обращения, применяемые в контексте национальной безопасности и борьбы с терроризмом

Таджикские власти часто называют борьбу с терроризмом и угрозами национальной безопасности ключом к обеспечению национальной и региональной стабильности. Однако ... часто права человека нарушаются в преследовании групп, которые воспринимаются как угроза национальной безопасности ...

[Это] исследование показывает, что особыми мишенями являются исламские движения и исламистские группы или партии, и что люди, обвиняемые в том, что они являются исламистскими экстремистами, подвергаются особому риску пыток и других видов жестокого обращения в Таджикистан...

В сентябре 2010 года в здании [полиции] в Худжанде произошел взрыв, в результате которого несколько человек погибли и получили ранения, более двух десятков человек. После этого таджикские власти удвоили свои усилия по поиску членов исламских движений и исламистских групп или партий, которые, по их мнению, несут ответственность. На сотрудников правоохранительных органов оказывалось повышенное давление с целью раскрытия дел, связанных с национальной безопасностью ...

8. пытки и другие виды жестокого обращения по возвращении в Таджикистан

... Amnesty International обеспокоена рядом недавних случаев, когда таджикские власти направляли запросы об экстрадиции на основании недостоверной информации в отношении лиц, предположительно являющихся членами запрещенных исламских групп, которые впоследствии утверждали, что по возвращении подвергались пыткам. Многие из этих запросов об экстрадиции были направлены в отношении лиц, Российская Федерация».

IV. СОВЕТЕВРОПАТЕКСТЫ ОБ ОБЯЗАННОСТИ СОТРУДНИЧЕСТВА С СУДОМ, ПРАВЕ НА ПОДАЧУ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ ЖАЛОБЫ И ОБЕСПЕЧИТЕЛЬНЫХ МЕРАХ

А. Парламентская ассамблея

108. В резолюции 1571 (2007) об обязанности государств-членов сотрудничать с Судом, принятой 2 октября 2007 года, Парламентская ассамблея, в частности, заявила:

«13. Суд также применил инструмент обеспечительных мер (статья 39 Регламента Суда) для предотвращения непоправимого ущерба. Ассамблея выражает признательность Суду за то, что он установил, что такие временные меры являются обязательными для государств-участников. Он считает, что этот инструмент может иметь еще более широкое потенциальное применение для защиты заявителей и их адвокатов, которые подвергаются неправомерному давлению. Суд может счесть полезным в этом отношении изучить практику Межамериканского суда по правам человека и Межамериканской комиссии по правам человека, которые использовали обеспечительные меры, чтобы обязать власти поместить заявителей под специальную защиту полиции, чтобы защитить их от преступных действий со стороны некоторых негосударственных субъектов».

109. В пояснительной записке, принятой Комитетом Ассамблеи по правовым вопросам и правам человека (документ 11183 от 9 февраля 2007 г., § 48), в этой связи упоминается практика, сложившаяся в соответствии со статьей 63 § 2 Американской конвенции о правах человека, которая наделяет Межамериканский суд по правам человека предписывать позитивные действия со стороны штатов. Например, в деле Алеман-Лакайо Межамериканская комиссия по правам человека просила суд принять меру, требующую от правительства Никарагуа принятия эффективных мер безопасности для защиты жизни и личной неприкосновенности д-ра Алемана-Лакайо, включая предоставление ему и его родственникам с «именем и номером телефона лица, наделенного властью», которое будет нести ответственность за обеспечение их защиты.

110. Резолюция 1571 (2007) Ассамблеи также призвала компетентные органы всех государств-членов:

«17.1. воздерживаться от оказания давления на заявителей, потенциальных заявителей, их адвокатов или членов семьи, направленного на принуждение их к воздержанию от подачи заявлений в Суд или отзыву уже поданных заявлений;

17.2. принять позитивные меры для защиты заявителей, их адвокатов или членов семьи от репрессалий со стороны отдельных лиц или групп, включая, в соответствующих случаях, разрешение заявителям участвовать в программах защиты свидетелей, предоставление им специальной защиты со стороны

полиции или предоставление лицам, которым угрожают, и их семьям временную защиту или политическое убежище небюрократическим способом;

17.3. тщательно расследовать все случаи предполагаемых преступлений против заявителей, их адвокатов или членов семьи и принять решительные меры для судебного преследования и наказания виновных и зачинщиков таких действий, чтобы четко дать понять, что власти не потерпят таких действий; ...”

111. Ассамблея далее заявила:

«18. Ассамблея считает, что сотрудничество государств-членов с Европейским судом по правам человека принесло бы пользу, если бы Суд продолжал развивать свою прецедентную практику для обеспечения полного выполнения обязанности государств-членов сотрудничать с Судом в частности:

18.1. принятие надлежащих временных мер, в том числе новых видов, таких как распоряжение полицией о защите или переселении находящихся под угрозой лиц и их семей;

18.2. срочное уведомление государств-ответчиков о жалобах в тех случаях, когда Суд получает заслуживающие доверия утверждения о неправомерном давлении на заявителей, адвокатов или членов семьи;

18.3. предоставление приоритета таким делам;

18.4. рассмотрение дел о предполагаемом незаконном давлении на заявителей и адвокатов с представителями соответствующего государства и, при необходимости, информирование Комитета министров о любых сохраняющихся проблемах».

112. Наконец, Ассамблея предложила «национальным парламентам учитывать все аспекты обязанности государств сотрудничать с Судом в своей работе, направленной на надзор за соблюдением правительствами обязательств по Конвенции, и привлекать исполнительные или другие органы власти к ответственности за любые нарушения».

113. В Рекомендации 1809 (2007) Ассамблея предложила Комитету министров направить рекомендацию всем государствам-членам, предлагая им принять необходимые меры для предотвращения НПО, оказывающие им помощь, от незаконного давления или репрессий, а также обеспечить привлечение к ответственности виновных и подстрекателей к таким действиям.

114. Более поздняя Рекомендация Ассамблеи 1956 (2011) от 26 января 2011 г., конкретно касающаяся вопроса об обеспечительных мерах в соответствии с правилом 39, гласит:

«3. Серьезную озабоченность Ассамблеи вызывает растущее число государств-членов, которые в последнее время проигнорировали временные меры, предписанные Судом в соответствии с Правилем 39. Это подчеркивает необходимость того, чтобы Комитет министров усилил свою роль в исполнении решений Суда.

4. Поэтому Ассамблея предлагает Комитету министров:

4.1. рассмотреть вопрос о расширении своего мандата в соответствии со статьей 46 Европейской конвенции о правах человека («Конвенция», ETS № 5) путем введения полномочий по мониторингу соблюдения буквы и духа правила 39 мер, о которых было сообщено в соответствии с правилом 39.2 Регламента Суда;

4.2. полностью использовать свою компетенцию в соответствии со статьей 46 Конвенции при разрешении случаев несоблюдения таким образом, чтобы полностью и эффективно поддерживать Конвенцию; обеспечить в сотрудничестве с Судом создание механизма или рабочего метода для принятия последующих мер в случаях несоблюдения и расследовать дела и/или публиковать заявления в этой связи;

4.3. отдавать приоритет решениям, устанавливающим нарушения статьи 34 Конвенции по делам о высылке и экстрадиции иностранцев, при надзоре за их исполнением государствами-ответчиками в соответствии со статьей 46 Конвенции;

4.4. добиваться принятия временной резолюции, призывающей государства-члены принять индивидуальные и/или общие меры в тех случаях, когда лицо было выслано в государство, которое не желает его или ее возвращать;

4.5. сотрудничать с Судом и другими соответствующими субъектами для публикации обновленной статистики по Правилу 39, а также информации о степени соблюдения договаривающимися сторонами; ...”

115. В своей Резолюции 1788 (2011), принятой в тот же день, Ассамблея также заявила:

«10. Хотя все еще относительно редко, растущее число нарушений вызывает серьезную озабоченность, учитывая ущерб, наносимый заинтересованным лицам, и влияние на целостность системы Конвенции в целом. Ассамблея осуждает любое неуважение к юридически обязательным мерам, предписанным Судом, и, в частности, неуважение к праву индивидуального обращения, гарантированному статьей 34 Конвенции, как вопиющее неуважение к этой уникальной системе защиты прав человека.

...

15. Поэтому Ассамблея настоятельно призывает государства-члены Совета Европы:

15.1. гарантировать право на подачу индивидуальной жалобы в Суд в соответствии со статьей 34, не препятствовать и не вмешиваться в осуществление этого права каким-либо образом и полностью соблюдать букву и дух обеспечительных мер, указанных Судом в соответствии с правилом 39, в частности:

15.1.1. сотрудничество с Судом и органами Конвенции путем предоставления полного, откровенного и справедливого раскрытия информации в ответ на

запросы о дополнительной информации в соответствии с Правилom 39(3) и максимальное содействие любым запросам Суда по установлению фактов;

...

16. Ассамблея признает главную роль Суда в поиске решений для применения обеспечительных мер в соответствии с Правилom 39 и в этом контексте выражает надежду на то, что Суд:

...

16.8. требуют в большем количестве случаев принятия государствами конкретных мер по возмещению причиненного вреда, с тем чтобы Комитет министров мог более эффективно контролировать исполнение судебных решений...»

Б. Комитет министров

116. В резолюциях ResDH(2001)66 и ResDH(2006)45 Комитет министров подчеркнул, что принцип сотрудничества с Судом, воплощенный в Конвенции, имеет фундаментальное значение для надлежащего и эффективного функционирования системы Конвенции, и призвал правительства Договаривающиеся государства обеспечить строгое соблюдение всеми соответствующими органами этого обязательства.

117. Временная резолюция Комитета министров CM/ResDH(2010)83 относительно решения Суда по делу Бен Хемайс против Италии (№ 246/07, 24 февраля 2009 г.) гласит следующее:

«Комитет министров...

Напоминая, что заявитель в настоящем деле был выслан вТунис2 июня 2008 г., несмотря на временную меру Суда в соответствии с Правилom 39 Регламента Суда, требующую от итальянских властей не делать этого до дальнейшего уведомления;

Отмечая, что Суд впоследствии установил, что высылка заявителя представляет собой нарушение статьи 3 и статьи 34 Конвенции;

Напоминая, что в контексте рассмотрения настоящего дела Комитет на своем 1078-м заседании (март 2010 г.) отметил, что итальянские власти полностью привержены соблюдению временных мер, указанных Судом в соответствии с правилom 39;

выражая сожаление по поводу того, что, несмотря на это обязательство, итальянские власти выслали другого заявителя, г-на Маннаи, вТунис1 мая 2010 г. в нарушение временной меры, указанной Судом 19 февраля 2010 г., требующей от итальянских властей не делать этого до дальнейшего уведомления;

С обеспокоенностью отмечая, что как минимум в двух других случаях итальянские власти выслали заявителей вТунисхотя Суд ранее указал не делать этого в соответствии с Правилom 39;

твердо напоминая, что, в соответствии с установившейся практикой Суда, статья 34 Конвенции влечет за собой обязательство соблюдать обеспечительные меры, указанные в соответствии с Правилom 39 Регламента Суда, начиная с решения Большой Палаты от 4 февраля 2004 г. дело Маматкулова и Аскарлова против Турции,

Подчеркивая еще раз принципиальную важность соблюдения обеспечительных мер, указанных Судом в соответствии с Правилom 39 Регламента Суда;

Однако выражая уверенность в том, что итальянские власти, наконец, примут необходимые меры для обеспечения строгого соблюдения временных мер, указанных Судом, для предотвращения подобных нарушений в будущем;

ТВЕРДО НАПОМИНАЕТ обязательство итальянских властей соблюдать временные меры, указанные Судом;

НАСТОЯТЕЛЬНО ПРИЗЫВАЕТ власти Италии принять все необходимые меры для принятия достаточных и эффективных мер для предотвращения подобных нарушений в будущем;

ПОСТАНОВЛЯЕТ проверять выполнение этого постановления на каждом заседании по правам человека до тех пор, пока не будут приняты необходимые срочные меры».

118. В ответ на рекомендацию 1809 (2007) Парламентской ассамблеи (см. пункт113выше), Комитет министров принял Резолюцию CM/Res(2010)25 об обязанности государств-членов уважать и защищать право на подачу индивидуальной жалобы в Суд, соответствующие части которой гласят следующее:

«... Подчеркивая, что право отдельных лиц на обращение в Европейский суд по правам человека (далее именуемый «Суд») является центральным элементом конвенционной системы и должно уважаться и защищаться на всех уровнях;

Подчеркивая, что соблюдение этого права и его защита от любого вмешательства необходимы для эффективности предусмотренной Конвенцией системы защиты прав человека;

Напоминая, что все государства-участники Конвенции обязались никоим образом не препятствовать эффективному осуществлению этого права, предусмотренного статьей 34 Конвенции;

Напоминая, что позитивные обязательства, в том числе по проведению исследований, составляют существенную характеристику системы Конвенции в целом;

Напоминая также, что прецедентное право Суда четко установило, что статья 34 Конвенции влечет за собой обязательство государств-участников соблюдать указание об обеспечительных мерах, принятых в соответствии с правилом 39 Регламента Суда, и что несоблюдение может означать нарушение статьи 34 Конвенции;

Отмечая поэтому с обеспокоенностью отдельные, но, тем не менее, вызывающие тревогу случаи несоблюдения и защиты права на подачу индивидуальной жалобы (например, воспрепятствование общению заявителя с Судом, отказ разрешить заявителю связаться со своим адвокатом, оказание давления на свидетелей или возбуждение ненадлежащего судебного разбирательства в отношении представителей заявителя), как было установлено в последние годы Судом;

выражая сожаление по поводу любого вмешательства в деятельность заявителей или лиц, намеревающихся обратиться в Суд, членов их семей, их адвокатов и других представителей и свидетелей, и преисполненные решимости принять меры для предотвращения такого вмешательства;

Напоминая о Европейском соглашении 1996 года, касающемся лиц, участвующих в разбирательствах в Европейском суде по правам человека (СЕД № 161);

ссылаясь на свои Резолюции ResDH(2001)66 и ResDH(2006)45 об обязательстве государств сотрудничать с Европейским судом по правам человека,

призывает государства-участники:

1. воздерживаться от оказания давления на заявителей или лиц, изъявивших намерение обратиться в Суд, членов их семей, их адвокатов и других представителей и свидетелей, направленных на сдерживание обращений в Суд, отзыва уже поданных заявлений или разбирательство в суде не ведется;

2. выполнять свои позитивные обязательства по защите заявителей или лиц, изъявивших намерение обратиться в Суд, членов их семей, их адвокатов и других представителей и свидетелей от репрессалий со стороны отдельных лиц или групп, в том числе, в соответствующих случаях, допуская заявителей и свидетелей участвовать в программах защиты свидетелей и обеспечивать надлежащие формы эффективной защиты, в том числе на международном уровне;

3. в этом контексте принять незамедлительные и эффективные меры в отношении любых временных мер, указанных Судом, чтобы обеспечить соблюдение своих обязательств согласно соответствующим положениям Конвенции;

4. выявлять и надлежащим образом расследовать все случаи предполагаемого вмешательства в право на подачу индивидуальной жалобы, принимая во внимание позитивные обязательства, уже возникающие в соответствии с Конвенцией, в свете прецедентного права Суда;

5. принять любые соответствующие дальнейшие меры в соответствии с национальным законодательством в отношении лиц, подозреваемых в совершении и подстрекательстве к такому вмешательству, в том числе, когда это оправдано, добиваться их судебного преследования и наказания виновных;

6. если они еще не сделали этого, ратифицировать Европейское соглашение 1996 года, касающееся лиц, участвующих в разбирательствах в Европейском суде по правам человека,

Постановляет также в срочном порядке рассмотреть, особенно в контексте своего надзора за исполнением решений, устанавливающих нарушение статьи 34, любой случай вмешательства в право на подачу индивидуальной жалобы и рекомендует Генеральному секретарю рассмотреть возможность осуществления своих полномочий в соответствии со статьей 52 Конвенции, если это оправдано обстоятельствами».

119. В своей Заключительной декларации Конференция высокого уровня по вопросу о будущем Суда, состоявшаяся в Измире 26-27 апреля 2011 г. подтвердили требование к государствам-участникам соблюдать обеспечительные меры в следующих условиях:

«[Конференция] подчеркивает важность того, чтобы государства-участники предоставляли национальные средства правовой защиты, при необходимости с приостанавливающим действием, которые действуют эффективно и справедливо и обеспечивают надлежащее и своевременное рассмотрение вопроса о риске в соответствии с Конвенцией и в свете дела Суда. закон; и, отмечая, что они могут обжаловать обеспечительные меры в Суде, повторяет требование к государствам-участникам соблюдать их».

120. Отвечая на Рекомендацию Ассамблеи 1956 (2011) (см. пункт 114 выше), Комитет министров заверил Ассамблею, что «он полностью использует свою компетенцию в соответствии со статьей 46 во всех случаях, устанавливающих нарушения статьи 34, будь то для обеспечения быстрого принятия срочных индивидуальных мер или предотвращения повторения нарушений посредством введения необходимых внутренних гарантий». Комитет напомнил Ассамблее, что новые методы работы, применяемые с января 2011 г., зафиксировали в качестве индикаторов для отнесения под усиленный надзор все случаи, требующие принятия срочных индивидуальных мер или выявляющие серьезные структурные проблемы (см. док. 12836).

V. РЕШЕНИЯ КОМИТЕТА МИНИСТРОВ В СООТВЕТСТВИИ СО СТАТЬЕЙ 46 ПО СВЯЗАННЫМ ДЕЛАМ, КАСАЮЩИМСЯ РОССИИ

121. В связи с полученной от Суда информацией о неоднократных жалобах на игнорирование Россией обеспечительных мер в настоящем деле и ряде других дел (см. 52 выше), Комитет Министров рассмотрел

этот вопрос в связи с исполнением решения Суда по делу Искандарова (упомянутого выше).

122. Решение Комитета министров (СМ/Del/Dec(2012)1136/19), принятое 8 марта 2012 года на 1136-м заседании заместителей министров, в соответствующей части гласит следующее:

«Депутаты

...

4. в отношении дела Искандарова напомнил, что нарушения Конвенции в данном деле были связаны с похищением заявителя неизвестными лицами, которых Суд признал российскими государственными служащими, и его насильственной передачей в Таджикистан после отказа в выдаче российскими властями;

5. с глубокой озабоченностью отметил сообщение Суда о том, что в последнее время неоднократно имели место инциденты такого рода в отношении четырех других заявителей, дела которых находятся на рассмотрении Суда, где он применил временные меры для предотвращения их экстрадиции в связи с неизбежным риском серьезные нарушения Конвенции, с которыми они столкнулись;

6. принял к сведению позицию российских властей о том, что данная ситуация вызывает у них серьезную озабоченность;

7. отметил далее, что российские власти в настоящее время разбираются в этих инцидентах и обязуются представить результаты последующей деятельности по ним в России Суду в рамках рассмотрения соответствующих дел и Комитету в отношении дело Искандарова;

8. призвал российские власти продолжать предпринимать все необходимые шаги, чтобы пролить свет на обстоятельства похищения г-на Искандарова и гарантировать, что подобные инциденты не произойдут в будущем, и проинформировать об этом Комитет министров».

123. В ходе последующего рассмотрения этого вопроса Комитет министров, столкнувшись с еще одним делом о предполагаемом исчезновении заявителя, несмотря на временные меры, указанные Судом, вновь выразил свою предыдущую обеспокоенность по поводу повторения таких инцидентов и продолжил следующим образом (см. принято 6 июня 2012 г. на 1144-м заседании - СМ/Del/Dec(2012)1144/18):

«Депутаты

...

3. выразил сожаление по поводу того, что, несмотря на серьезную обеспокоенность, выраженную в отношении таких инцидентов Председателем Суда, Комитетом министров и самими российскими властями, они были

проинформированы об исчезновении еще одного заявителя 29 марта 2012 г. в Москве и вскоре после этого оказался под стражей в Таджикистане;

4. принял к сведению позицию российских властей, согласно которой расследование по делу Искандарова все еще продолжается и в настоящее время не установлено причастность российского государства к похищению заявителя;

5. Однако выразил сожаление по поводу того, что до сих пор ни в деле Искандарова, ни в любом другом деле такого рода власти не смогли добиться ощутимого прогресса в национальных расследованиях похищений заявителей и их передачи, а также установить ответственность любой государственной агент;

6. отметил, что, согласно информации, предоставленной российскими властями, после распространения в апреле 2012 г. решения Комитета Министров, принятого на 1136-м заседании, в Генеральную прокуратуру, Следственный комитет, МВД, Федеральной миграционной службе и Федеральной службе судебных приставов, других инцидентов подобного рода не было, и предложил российским властям уточнить, считают ли они эту меру достаточной, чтобы эффективно положить конец такой недопустимой практике».

124. Решением, принятым на 1150-м заседании заместителей министров 26 сентября 2012 г. (СМ/Del/Dec(2012)1150), Комитет министров сделал следующие выводы и оценки:

«Депутаты

...

4. с сожалением отметил, что до настоящего времени никто не несет ответственности за незаконный перевод заявителя в Таджикистан фигурирует в деле Искандарова;

...

6. отметил, что инцидентов, подобных описанным в деле Искандарова, не было с момента последнего рассмотрения этого дела Комитетом, и призвал российские власти продолжать принимать все необходимые меры для обеспечения того, чтобы такие инциденты больше не происходили в будущем;

7. приветствовал принятие 14 июня 2012 г. Верховным судом Российской Федерации Постановления, содержащего важные рекомендации о том, как применять национальное законодательство в свете требований Конвенции, в частности, в отношении статей 3 и 5 Конвенции;

8. далее с удовлетворением отметил, что меры, принятые российскими властями в ответ на постановления этой группы (решение Конституционного Суда, поручение Генерального прокурора и постановления Пленума Верховного Суда), уже привели к количеству постановлений Суда об отсутствии нарушений Конвенции;

9. призвал российские власти обеспечить быстрый прогресс в отношении подготовки и принятия законодательной реформы, требуемой этими решениями».

125. Комитет Министров возобновил рассмотрение вопроса на 1157-м заседании заместителей Министров, состоявшемся 6 декабря 2012 года, и принял следующее решение (CM/Del/Dec(2012)1157):

«Депутаты

1. напомнил, что, выполняя решение суда, государство-участник обязано принять все меры для предотвращения нарушений, аналогичных тем, которые были установлены судом;

2. впоследствии глубоко сожалели о том, что, несмотря на серьезную обеспокоенность, выраженную Судом и Комитетом министров в отношении инцидентов, предположительно аналогичных инциденту в решении по делу Искандарова, они были проинформированы о том, что еще один заявитель, в отношении которого была применена обеспечительная мера, указал судом в соответствии с правилом 39 в связи с его планируемой экстрадицией в Таджикистан, исчез из Волгограда 20 октября 2012 г. (Латипов против Российской Федерации, № 77658/11);

3. отметил, что такие инциденты, если они подтвердятся, и отсутствие надлежащей реакции на них со стороны властей, поставят более общий вопрос о совместимости этой ситуации с обязательствами Российской Федерации в соответствии с Конвенцией;

4. вновь выразили свое сожаление, выраженное в их предыдущем решении, о том, что до сих пор ни в деле Искандарова, ни в любом другом деле такого рода власти не смогли добиться ощутимого прогресса в национальных расследованиях похищений заявителей и их передачи, ни установить ответственность любого государственного агента;

5. в связи с этим призвал российские власти без дальнейшего промедления решить эту тревожную и беспрецедентную ситуацию, в частности, путем принятия защитных мер в отношении других лиц, которые могут быть подвергнуты временным мерам, указанным Судом в соответствии с правилом 39 в связи с их выдворением из территории России и обеспечения эффективного расследования всех таких инцидентов в строгом соответствии с их обязательствами по Конвенции;

6. предложил российским властям предоставить информацию о текущем положении заявителя по делу Искандарова, в частности, что касается гарантий против жестокого обращения».

126. Последнее решение Комитета министров по этому вопросу (CM/Del/Dec(2013)1164), принятое 7 марта 2013 года на 1164-м заседании заместителей министров, гласит:

«Депутаты

1. принял к сведению позицию российских властей, согласно которой меры, принятые до сих пор, могут предотвратить дальнейшие похищения и насильственные перемещения лиц, в отношении которых Суд назначил временную меру в соответствии с правилом 39 своего Регламента;

2. Вместе с тем с серьезной озабоченностью отметил, что в настоящее время в Суде находится несколько жалоб иностранных граждан относительно предполагаемых нарушений их прав и несоблюдения обеспечительных мер, указанных Судом в отношении их принудительного перемещения с территории Российской Федерации. Федерация;

3. предложил российским властям разъяснить уместность мер, уже принятых при обстоятельствах, аналогичных описанным в решениях по делам Искандарова и Абдулхакова;

4. вновь призвали российские власти принять без дальнейшего промедления необходимые меры, чтобы положить конец таким инцидентам, путем принятия дополнительных специальных мер защиты в отношении заявителей и комплекса мер, обеспечивающих быстрое и эффективное расследование исчезновений и насильственных преступлений. переводы и соответственно информировать Комитет министров;

5. Ввиду сохранения этой тревожной ситуации и принимая во внимание обязательства Российской Федерации по Конвенции, предложил Председателю Комитета Министров направить письмо своему российскому коллеге, чтобы обратить его внимание на серьезные озабоченность Комитета министров, а также его неоднократные призывы принять вышеупомянутые меры;

6. постановили возобновить рассмотрение этих вопросов не позднее чем на своем 1179-м заседании (сентябрь 2013 г.) (DH), согласившись, однако, в случае, если до сведения Комитета будет доведен новый аналогичный инцидент, вернуться к этому вопросу на их первом собрание после уведомления о таком инциденте».

ЗАКОН

I. УСТАНОВЛЕНИЕ ФАКТОВ

127. Учитывая отсутствие соглашения сторон о событиях, имевших место с 31 октября по 3 ноября 2011 года (см. п.37-43 выше), Суд должен начать рассмотрение с установления соответствующих фактов.

128. В делах, в которых имеются противоречивые версии событий, Суд неизбежно сталкивается при установлении фактов с теми же трудностями, с которыми сталкивается любой суд первой инстанции (см. Эль-Масри против «бывшей югославской Республики Македония» [ГК], № 39630/09, § 151, 13 декабря 2012 г.). Суд учитывает

вспомогательный характер своей роли и должен проявлять осторожность, беря на себя роль суда первой инстанции по фактам, если это не является неизбежным в силу обстоятельств конкретного дела. Тем не менее, когда заявления подаются в соответствии со статьей 3 Конвенции, Суд должен провести особенно тщательную проверку, даже если определенные внутригосударственные разбирательства и расследования уже имели место (см., с дополнительными ссылками, El Masri, упомянутое выше, § 155).

129. При оценке доказательств Суд принимает стандарт доказывания «вне разумных сомнений» (см. «Орхан против Турции», № 25656/94, § 264, 18 июня 2002 г.). Однако его целью никогда не было заимствование подхода национальных правовых систем, использующих этот стандарт. Его роль заключается не в вынесении решения об уголовной вине или гражданской ответственности, а об ответственности Договаривающихся государств в соответствии с Конвенцией. Специфика его задачи в соответствии со статьей 19 Конвенции – обеспечить соблюдение Договаривающимися государствами их обязательств по обеспечению основных прав, закрепленных в Конвенции, – обуславливает его подход к вопросам доказательств и доказывания. В разбирательстве в Суде не существует процессуальных препятствий для допустимости доказательств или заранее определенных формул их оценки. Он принимает выводы, которые, по его мнению, подкрепляются свободной оценкой всех доказательств, включая такие выводы, которые могут вытекать из фактов и представлений сторон. В соответствии с установившейся прецедентной практикой доказательство может следовать из сосуществования достаточно сильных, четких и согласованных выводов или подобных неопровергнутых презумпций факта. Кроме того, уровень убеждения, необходимый для достижения того или иного вывода, и, в связи с этим, распределение бремени доказывания неразрывно связаны со спецификой фактов, характером выдвинутого утверждения и затрагиваемым Конвенционным правом (см. , с дополнительными ссылками, Начова и другие против Болгарии [БП], №№ 43577/98 и 43579/98, § 147, ЕСПЧ 2005VII, Искандаров против России, упомянутое выше, § 107, и Эль Масри, упомянутое выше, § 151). включая такие выводы, которые могут вытекать из фактов и представлений сторон. В соответствии с установившейся прецедентной практикой доказательство может следовать из сосуществования достаточно сильных, четких и согласованных выводов или подобных неопровергнутых презумпций факта. Кроме того, уровень убеждения, необходимый для достижения того или иного вывода, и, в связи с этим, распределение бремени доказывания неразрывно связаны со спецификой фактов, характером выдвинутого утверждения и затрагиваемым Конвенционным правом (см. , с

дополнительными ссылками, Начова и другие против Болгарии [БП], №№ 43577/98 и 43579/98, § 147, ЕСПЧ 2005VII, Искандаров против России, упомянутое выше, § 107, и Эль Масри, упомянутое выше, § 151). включая такие выводы, которые могут вытекать из фактов и представлений сторон. В соответствии с установившейся прецедентной практикой доказательство может следовать из существования достаточно сильных, четких и согласованных выводов или подобных неопровергнутых презумпций факта. Кроме того, уровень убеждения, необходимый для достижения того или иного вывода, и, в связи с этим, распределение бремени доказывания неразрывно связаны со спецификой фактов, характером выдвинутого утверждения и затрагиваемым Конвенционным правом (см. , с дополнительными ссылками, Начова и другие против Болгарии [БП], №№ 43577/98 и 43579/98, § 147, ЕСПЧ 2005VII, Искандаров против России, упомянутое выше, § 107, и Эль Масри, упомянутое выше, § 151). доказательство может следовать из существования достаточно сильных, ясных и согласованных выводов или подобных неопровергнутых презумпций факта. Кроме того, уровень убеждения, необходимый для достижения того или иного вывода, и, в связи с этим, распределение бремени доказывания неразрывно связаны со спецификой фактов, характером выдвинутого утверждения и затрагиваемым Конвенционным правом (см. , с дополнительными ссылками, Начова и другие против Болгарии [БП], №№ 43577/98 и 43579/98, § 147, ЕСПЧ 2005VII, Искандаров против России, упомянутое выше, § 107, и Эль Масри, упомянутое выше, § 151). доказательство может следовать из существования достаточно сильных, ясных и согласованных выводов или подобных неопровергнутых презумпций факта. Кроме того, уровень убеждения, необходимый для достижения того или иного вывода, и, в связи с этим, распределение бремени доказывания неразрывно связаны со спецификой фактов, характером выдвинутого утверждения и затрагиваемым Конвенционным правом (см. , с дополнительными ссылками, Начова и другие против Болгарии [БП], №№ 43577/98 и 43579/98, § 147, ЕСПЧ 2005VII, Искандаров против России, упомянутое выше, § 107, и Эль Масри, упомянутое выше, § 151).

130. Суд также признал, что разбирательство в соответствии с Конвенцией не во всех случаях поддается строгому применению принципа *assertanti incumbit probatio* (тот, кто утверждает что-либо, должен доказать это утверждение). В определенных обстоятельствах, когда события, о которых идет речь, полностью или в значительной степени находятся в ведении исключительно властей, можно считать, что бремя доказывания возлагается на власти в плане предоставления удовлетворительного и убедительного объяснения (см. *Salman v. Turkey* [БП], № 21986/93, § 100, ЕСПЧ 2000VII, ДН и другие против

Чешской Республики [БП], № 57325/00, § 179, ЕСПЧ 2007ХП, и Искандаров против России, упомянутое выше, § 108).

131. Возвращаясь к обстоятельствам настоящего дела, Суд отмечает, что заявитель представил подробный, конкретный и последовательный отчет о событиях, имевших место с вечера 31 октября 2011 года. Это описание фактов было сделано посредством последовательных показаний заявителя российским властям, его заявления на публичных слушаниях в г.Таджикистани письменные представления Суду, подписанные заявителем и различными свидетелями. Суд удовлетворен тем, что заявитель представил доказательства *prima facie* в пользу своей версии событий.

132. Что касается властей Российской Федерации, Суд отмечает, напротив, что их ответы на доводы заявителя и подробные вопросы Суда были краткими и уклончивыми, сводясь по существу к отрицанию того, что властям известно о судьбе заявителя и их ответственности за нее. . В то же время Правительство не поддержало и не опровергло версию заявителя о фактах. Скучная информация, предоставленная Правительством, состояла из общих заявлений и нейтральных ссылок на информацию, переданную таджикскими властями, без какой-либо квалифицированной оценки этой информации или собственных фактов, установленных Правительством. Например, что касается решающего аспекта инцидента,44выше). Неспособность Правительства провести собственное установление фактов в настоящем деле вынуждает Суд устанавливать факты, делая такие выводы, которые он сочтет уместными, исходя из этой позиции (см. Правило 44С § 1, цитируемое в параграфе130выше).

133. Суд находит, что стороны не оспаривали тот факт, что заявитель был лицом, которомуРоссийская Федерацияпредоставил временное убежище 6 сентября 2011 года после его настойчивых попыток избежать возвращения вТаджикистан(см. пункт31выше). Также бесспорно, что свобода заявителя не была ограничена вРоссияпосле его освобождения из-под стражи 20 мая 2011 г. Не оспаривается и тот факт, что самое позднее 3 ноября 2011 г. заявитель был заключен под стражу таджикскими правоохранительными органами в Худжанде.

134. Ввиду вышеизложенного и рассмотрев доводы сторон вместе с иной доступной информацией, Суд должен критически оценить официальную таджикскую версию о «добровольной сдаче» заявителя властям этой страны (см.44). Хотя теоретически любой может решить добровольно сдаться, официальная версия представляется необоснованной и полностью несовместимой со всеми другими материалами, представленными Суду. Во-первых, «признательные показания», которые заявитель якобы сделал таджикским властям, так

и не были представлены в Суд. Кроме того, официальной версии «признания» заявителя и «добровольной явки с повинной» явно противоречат его собственные письменные показания в Суде, его заявление на публичном слушании в г.Таджикистане подробный и последовательный отчет о событиях, о котором сообщили его представители на основе информации, полученной из различных источников. Более того, идея «добровольной явки с повинной» противоречит письменным показаниям отца заявителя, которому было отказано во встрече с заявителем на том основании, что он не сотрудничал с таджикскими властями в их усилиях по возвращению заявителя в страна (см. пункт41). Более того, ссылаясь на официальную таджикскую версию, Правительство-ответчик не подкрепило ее какими-либо материальными элементами, не говоря уже о том, чтобы каким-либо образом объяснить, как и когда заявителю удалось совершить такую длительную поездку через различные государственные границы за столь короткое время без его паспорт или любую официальную запись о пересечении российской границы. Наконец, Европейскому Суду трудно согласовать официальную таджикскую версию «добровольной явки с повинной» с настойчивыми претензиями заявителя к российским властям и Суду в течение двух предыдущих лет с единственным мотивом предотвращения его возвращения вТаджикистан.

135. Таким образом, Суд не принимает официальную таджикскую версию, ретранслированную Правительством России, о том, что заявитель «добровольно сдался» таджикским властям. Учитывая последовательность версии событий заявителя, расплывчатую и неубедительную позицию государства-ответчика и отсутствие каких-либо доказательств, представленных последним, Суд заключает, что заявитель был принудительно возвращен не позднее 3 ноября 2011 г.Таджикистан, где власти немедленно поместили его под стражу в ожидании уголовного суда.

136. Кроме того, в связи с вышеизложенным Суд считает, что версия заявителя о его похищении 31 октября 2011 г. неустановленными лицами в г.Москва является последовательным и подтверждается различными выводами. Действительно, принудительное перемещение в любом случае началось бы с ограничения свободы заинтересованного лица. что заявитель был задержан в г.Москве и содержался под стражей без связи с внешним миром незадолго до его насильственного перевода вТаджикистанне кажется неправдоподобным. Суд делает убедительные выводы в поддержку версии заявителя из того, что Правительство не представило какой-либо альтернативной версии того, что произошло с заявителем в период с 31 октября по 2 ноября 2011 г., и, что наиболее важно, из преднамеренного и настойчивого отказа властей провести

значимую проверку. расследования этих событий (см. пункты 193-196 ниже). Суд особенно поражен объяснением отказа следователей возбудить уголовное дело по факту происшествия: заявитель якобы пытался инсценировать свое похищение с целью избежать уголовной ответственности в Таджикистан (см. пункты 56 и 63 выше). Суд находит это предположение лишенным всякого смысла, поскольку следователи уже знали или должны были знать к тому времени (март-июль 2012 г.), что исчезновение заявителя из Москвы повлекло за собой его арест, содержание под стражей, уголовное преследование и осуждение в Таджикистан.

137. Наконец, поскольку власти Российской Федерации не опровергли версию событий, представленную заявителем, Суд может только поддержать версию о том, что заявитель был насильственно переведен из Москвы в Таджикистан по воздуху, как он утверждал в своих заявлениях. Действительно, учитывая короткий промежуток времени, прошедший между похищением заявителя в Москве и его внезапным появлением в руках милиции в Худжанде, а также большое расстояние между двумя городами (примерно 3500 км по дороге), нет ничего, что могло бы опровергнуть утверждение заявителя о том, что он был доставлен туда по воздуху. Опять же, Суд делает очень серьезные выводы в поддержку этой версии из упорного отказа российских властей провести содержательное расследование и их последующей неспособности опровергнуть версию заявителя или предоставить правдоподобное альтернативное объяснение.

138. В заключение Суд находит установленным вне всяких разумных сомнений, что заявитель был похищен неизвестными лицами в Москве вечером 31 октября 2011 г., задержан похитителями в Москве на один-два дня, затем насильно доставлен ими в аэропорт и посадили на рейс в Худжанд в Таджикистане, где он был немедленно задержан таджикскими властями.

139. Что касается утверждения заявителя о причастности российских властей к его принудительному перемещению в Таджикистан, Суд считает, что оно тесно связано со всеми другими аспектами его жалобы по статье 3 и должно быть оценено в связи с другими вопросами, возникающими в связи с этим положением, включая вопрос об адекватности внутреннего расследования инцидента.

II. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 3 КОНВЕНЦИИ

140. Заявитель первоначально жаловался в соответствии со статьей 3 Конвенции на то, что его экстрадиция в Таджикистан приведет к жестокому обращению с ним. Позже он дополнил свою жалобу, заявив, что имело место нарушение статьи 3, поскольку его похищение

в Москве и незаконная передача в Таджикистан могли быть возможны только при активном или пассивном участии российских властей.

141. После этих событий Суд попросил Правительство представить дополнительные замечания по существу в отношении двух дополнительных вопросов, возникающих в соответствии со статьей 3 Конвенции. Первый касался возможного невыполнения властями своего позитивного обязательства сделать все, что можно было разумно ожидать от них, для защиты заявителя от реального и непосредственного риска перевода в Таджикистан. Второе касалось их процессуального обязательства провести тщательное и эффективное расследование похищения заявителя и передачи его в Таджикистан. Статья 3 гласит:

«Никто не может быть подвергнут пыткам или бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию».

А. Представления сторон

1. Правительство

142. Правительство первоначально утверждало, что заявитель не имел статуса потерпевшего, поскольку его экстрадиция была приостановлена после принятия Судом временных мер. Они также утверждали, что экстрадиция заявителя в Таджикистан в коем случае не подвергал бы его риску жестокого обращения. По мнению Правительства, настоящее заявление отличается от нескольких предыдущих дел, рассмотренных Судом в отношении Таджикистан, поскольку заявитель был обвинен в общеуголовных преступлениях и не преследовался по каким-либо политическим мотивам. Кроме того, они сочли заверения, данные Генеральной прокуратурой Таджикистана, достаточной гарантией против жестокого обращения или политического преследования заявителя. Правительство сослалось на отсутствие каких-либо инцидентов, связанных с нарушением Таджикистаном гарантий, данных в вопросах экстрадиции. Они также утверждали, что после подробного изучения всех предполагаемых рисков и доказательств, представленных заявителем на открытом слушании, российские суды не нашли препятствий для экстрадиции заявителя.

143. После принудительного перевода заявителя в Таджикистан дополнительные вопросы, поднятые Судом, Правительство отрицало свою ответственность за то, что произошло с заявителем. Они утверждали, что свобода передвижения заявителя никоим образом не ограничивалась после его освобождения 20 мая 2011 г. и что власти не были обязаны осуществлять какое-либо наблюдение в отношении

него. Правительство проинформировало Суд о доследственных проверках, проведенных следственными органами, и их неоднократных отказах в возбуждении уголовного дела на основании отсутствия состава преступления.

2. Заявитель

144. Заявитель первоначально утверждал, что он остается жертвой, поскольку он безуспешно исчерпал все внутренние средства правовой защиты, с помощью которых он мог оспорить постановление о выдаче. Последнее оставалось в силе и имело законную силу в соответствующее время, и его дальнейшая апелляция не подлежала. Он сослался на сложившуюся прецедентную практику Суда, признающую статус жертвы заявителей в подобных ситуациях. Он также утверждал, что власти не смогли оценить риск жестокого обращения, с которым он столкнулся в Таджикистане, что его неоднократные и подробные представления в этом отношении не получили существенного ответа. Вместо этого власти оценили возможные препятствия для экстрадиции с точки зрения интересов государства и исключили любой такой риск на основании дипломатических заверений, данных таджикскими властями, которые не были подкреплены никакими доказательствами и, следовательно, ненадежны. Заявитель пришел к выводу, что подход, принятый национальными властями и поддержанный Правительством в Европейском Суде, был слишком формальным. Наконец, заявитель утверждал, что лица, подозреваемые в причастности к ИДУ, как и он, преследовались таджикскими властями и, следовательно, подвергались особому риску жестокого обращения в Таджикистане.

145. Заявитель утверждал, что после его похищения власти были немедленно проинформированы и им было предложено защитить его от принудительного перевода в Таджикистан. Однако они не предприняли немедленных и эффективных действий, а жалобы заявителя передавались от одного органа к другому. Власти также не проводили никакого расследования этих событий. Заявитель считал, что длительное нежелание властей установить его местонахождение свидетельствует о прямой причастности властей к его похищению и насильственному перемещению в Таджикистан. Заявитель настаивал на том, что он не мог законно пересечь государственную границу без паспорта, имея при себе только временное свидетельство о предоставлении убежища. Более того, какое-либо несанкционированное перемещение через государственную границу против его воли было невозможно, так как на тот момент в аэропорту Домодедово действовали повышенные меры безопасности в связи с терактами в январе 2011 года в этом аэропорту. В поддержку своего утверждения о том, что Россия сыграла роль в его похищении и

перемещении, заявитель сослался на выводы Суда по аналогичному делу (Искандаров, упомянутое выше, § 113).

В. Оценка Суда

1. Допустимость

146. Суд отмечает, что экстрадиция заявителя была подтверждена окончательным национальным судебным решением, которое осталось в силе и не могло быть отменено обеспечительными мерами, предписанными Судом, которые просто привели к временной приостановке экстрадиции. В результате заявленное властями соблюдение временных мер само по себе не лишает заявителя его статуса жертвы в соответствии с Конвенцией. Возражение властей Российской Федерации, которое они, по-видимому, не поддержали на более позднем этапе разбирательства, в любом случае лишено смысла ввиду насильственного перевода заявителя в Таджикистан в начале ноября 2011 г. Суд также отмечает, что жалоба заявителя не является явно необоснованным по смыслу статьи 35 § 3 (а) Конвенции и не является неприемлемым по каким-либо другим основаниям.

2. Достоинства

147. Прежде всего Суд отмечает, что настоящее дело поднимает три отдельных вопроса в соответствии со статьей 3 Конвенции, а именно возможное невыполнение властями своих позитивных обязательств по защите заявителя от реальной и непосредственной опасности принудительного перевода в Таджикистан; невыполнение ими процессуального обязательства по проведению тщательного и эффективного расследования его похищения и передачи; и, наконец, их предполагаемая ответственность за причастность представителей государства к оспариваемым событиям. Суд также отмечает, что его решение по этим вопросам будет зависеть, в частности, от наличия в рассматриваемое время вполне обоснованного риска того, что заявитель может подвергнуться жестокому обращению в Таджикистан. По последнему пункту стороны разошлись во мнениях. Таким образом, Суд начнет рассмотрение с оценки того, было ли принудительное возвращение заявителя в Таджикистан подвергал его такому риску. Впоследствии он последовательно рассмотрит три различных вопроса, возникающих в связи со статьей 3, как упоминалось выше.

(а) Будет ли возвращение заявителя в Таджикистан подвергли его реальному риску обращения, противоречащего статье 3

(i) Общие принципы

148. Устоявшейся практикой Суда является то, что высылка или экстрадиция Договаривающимся государством может привести к возникновению вопроса в соответствии со статьей 3 и, следовательно, повлечь за собой ответственность этого государства в соответствии с Конвенцией, если были продемонстрированы существенные основания полагать, что заинтересованное лицо в случае его депортации сталкивается с реальным риском подвергнуться обращению, противоречащему статье 3 (см. «Саади против Италии» [БП], № 37201/06, § 125, ECHR 2008, и Soering против Соединенного Королевства, 7). июль 1989 г., § 91, Серия А № 161).

149. Оценка наличия существенных оснований полагать, что заявителю угрожает реальный риск подвергнуться обращению в нарушение статьи 3, неизбежно требует, чтобы Суд оценил условия в стране назначения в соответствии со стандартами этого положения Конвенции (см. Маматкулов и Аскарлов против Турции [БП], №№ 46827/99 и 46951/99, § 67, ЕСПЧ 2005I). Эти стандарты подразумевают, что жестокое обращение, с которым, как утверждает заявитель, он столкнется в случае возвращения, должно достигать минимального уровня жестокости, если оно подпадает под действие статьи 3. Оценка этого является относительной и зависит от всех обстоятельств дела. дело (см. Хилал против Соединенного Королевства, № 45276/99, § 60, ECHR 2001II).

150. При определении того, было ли доказано, что заявитель подвергается реальному риску подвергнуться обращению, запрещенному статьей 3, в случае экстрадиции, Суд рассмотрит вопрос в свете всех представленных ему материалов или, при необходимости, материалов, полученных proprio motu (см. Саади, упомянутое выше, § 128). Поскольку характер ответственности Договаривающихся государств по статье 3 в случаях такого рода заключается в акте, подвергающем лицо риску жестокого обращения, наличие риска должно оцениваться в первую очередь со ссылкой на те факты, которые были известны или должно было быть известно Договаривающемуся государству во время экстрадиции; тем не менее Суду не запрещено принимать во внимание информацию, которая становится известной после экстрадиции.

151. В принципе, заявитель должен представить доказательства, подтверждающие, что имеются серьезные основания полагать, что в случае применения обжалуемой меры он подвергнется реальному риску подвергнуться обращению, противоречащему статье 3 (см. N. против Финляндии, № 38885/02, § 167, 26 июля 2005 г.). Если такие

доказательства представлены, Правительство должно развеять любые сомнения по этому поводу (см. Рябкин против России, № 8320/04, § 112, 19 июня 2008 г.).

152. Что касается общей ситуации в конкретной стране, Суд может придать определенное значение информации, содержащейся в недавних отчетах независимых международных правозащитных ассоциаций или правительственных источников (см. Саади, упомянутое выше, § 131, с дополнительными ссылками). Кроме того, оценивая наличие риска жестокого обращения в запрашивающей стране, Суд оценивает общую ситуацию в этой стране, принимая во внимание любые признаки улучшения или ухудшения ситуации с правами человека в целом или в отношении какой-либо конкретной группы или области, которые могут иметь отношение к личным обстоятельствам заявителя (см., с соответствующими изменениями, Шамаев и другие против Грузии и России, № 36378/02, § 337, ЕСПЧ 2005III).

153. В то же время ссылка на общую проблему соблюдения прав человека в конкретной стране сама по себе не может служить основанием для отказа в экстрадиции (см. Джаксыбергенов против Украины, № 12343/10, § 37, 10 февраля 2011 г.). В тех случаях, когда источники, доступные Суду, описывают общую ситуацию, конкретные утверждения заявителя по конкретному делу требуют подтверждения другими доказательствами со ссылкой на индивидуальные обстоятельства, подтверждающие его опасения жестокого обращения (см. Маматкулов и Аскарлов, упомянутое выше, § 73). и Джаксыбергенов, упомянутый выше, там же). Суд не будет требовать доказательства таких индивидуальных обстоятельств только в самых крайних случаях, когда общая ситуация насилия в стране назначения настолько интенсивна, что создает реальный риск того, что любое выдворение в эту страну обязательно нарушит статью 3 (см. Н.А. против Соединенного Королевства, № 25904/07, §§ 115-16, 17 июля 2008 г., и Суфи и Элми против Соединенного Королевства, № 8319/07 и 11449/07, § 217, 28 июня 2011 г.). В случае, когда принимающее государство предоставило гарантии, эти гарантии представляют собой еще один соответствующий фактор, который рассмотрит Суд. Однако самих по себе гарантий недостаточно для обеспечения надлежащей защиты от риска жестокого обращения. Существует обязательство проверить, обеспечивают ли гарантии в их практическом применении достаточная гарантия того, что заявитель будет защищен от риска жестокого обращения. Вес, который следует придавать заверениям принимающего государства, зависит в каждом случае от обстоятельств, преобладающих в рассматриваемое время (см. Saadi, упомянутое выше, § 148, и Othman (Abu Qatada) против Соединенного Королевства, № 8139). /09, § 187, ECHR 2012 (выдержки)).

(ii) Применение к настоящему делу

154. Суд отмечает, что заявитель утверждал в национальных судах, что его экстрадиция подвергают его реальному риску подвергнуться обращению, противоречащему статье 3. В своих ходатайствах о предоставлении статуса беженца и убежища он также ясно и недвусмысленно выразил свой страх перед жестоким обращением. Правительство утверждало, что доводы заявителя были должным образом рассмотрены национальными судами и отклонены.

155. Суд повторяет, что, когда имело место национальное разбирательство, как в настоящем деле, в задачу Суда не входит подмена собственной оценкой фактов оценки национальных судов, и, как правило, задача этих судов для оценки представленных им доказательств (см., среди прочего, Джулиани и Гаджио против Италии [БП], № 23458/02, §§ 179-80, 24 марта 2011 г.). Это не должно, однако, вести к отказу Суда от ответственности и к отказу от всякого надзора за результатом, полученным в результате использования внутренних средств правовой защиты, иначе права, гарантированные Конвенцией, были бы лишены всякого содержания (см. *Open Door и Dublin Well Woman v. Ирландия*, 29 октября 1992 г., § 69, серия А, № 246А, и *Скордино против Италии* (№ 1) [БП], № 36813/97, § 192, ЕСПЧ 2006V). В соответствии со статьей 19 Конвенции,

156. Применительно к экстрадиции или депортации это означает, что в случаях, когда заявитель приводит аргументированные основания, ставящие под сомнение точность информации, на которую ссылается государство-ответчик, Суд должен удостовериться в том, что оценка, сделанная властями Договаривающегося государства является адекватным и в достаточной мере подтверждается отечественными материалами, а также материалами, полученными из других надежных и объективных источников, таких как, например, другие Договаривающиеся или не являющиеся Договаривающимися государствами, учреждения Организации Объединенных Наций и авторитетные неправительственные организации (см. *Салах Шейх против Нидерландов*, № 1948/04, § 136, 11 января 2007 г., и *Исмоилов и другие против России*, № 2947/06, § 120, 24 апреля 2008 г.). Соответственно, Суд сначала оценит, получила ли жалоба заявителя адекватный ответ на национальном уровне.

(α) Внутреннее разбирательство

157. Заявитель не согласился с оценкой Правительством внутригосударственного разбирательства, утверждая, что его неоднократные и подробные заявления относительно риска жестокого обращения, которому он подвергался в Таджикистане, были рассмотрены судами в формальной манере без ответа по существу.

158. Принимая во внимание доводы заявителя в национальные суды как в отношении экстрадиции, так и в отношении предоставления убежища, Суд удовлетворен тем, что он постоянно поднимал перед соответствующими органами вопрос о риске того, что он будет подвергнут обращению в нарушение статьи 3 Конвенции. , выдвигая ряд конкретных и подробных аргументов.

159. Что касается процедуры предоставления убежища, решение, принятое заместителем директора ФМС от 26 августа 2010 г., не учитывало, угрожает ли заявителю опасность подвергнуться пыткам или жестокому обращению в Таджикистане. Его решение в основном касалось другого вопроса: будет ли заявитель преследоваться в Таджикистане по политическим или религиозным мотивам. ФМС пришла к отрицательному выводу, отметив при этом, что наличие обоснованных опасений стать жертвой пыток или жестокого обращения может быть основанием для предоставления заявителю временного убежища в России. Суды, посчитав решение ФМС убедительным, просто оставили его в силе по всем пунктам, без дальнейшего рассмотрения наличия какого-либо риска для заявителя (см.29выше).

160. Что касается разбирательства об экстрадиции, Суд отмечает, что Московский городской суд принял к сведению утверждение заявителя о том, что ему угрожает жестокое обращение, и рассмотрел его, хотя и очень кратко, в своем решении от 29 октября 2010 г. Он также признал в материалах дела представления заявителя, содержащие постановления Суда по аналогичным делам, представления эксперта и различные отчеты о ситуации с правами человека в Таджикистане(см. пункт22выше).

161. Тем не менее, городской суд не воспользовался этими материалами и самым поверхностным и даже небрежным образом отклонил все доводы, которые заявитель извлек из них. Таким образом, суд признал доводы заявителя необоснованными, квалифицировав их как «предположения», которые «никоим образом не подтверждены» и как «полностью опровергнуты», в том числе письменными гарантиями, предоставленными заместителем Генерального прокурора Республики Таджикистан. (см. пункт23выше). Общие термины, использованные городским судом для отклонения жалобы заявителя, не оставляли места для какой-либо квалифицированной оценки его основных личных обстоятельств и вытекающего из этого риска для его безопасности в свете требований Конвенции. Вместо этого городской суд ограничился формальным напоминанием об обвинениях, выдвинутых против заявителя в Таджикистане, таким образом, не проявив один из наиболее важных аспектов дела (см. с соответствующими изменениями, К.Г. и другие против Болгарии, № 1365). /07, § 47, 24 апреля 2008 г.). Суд находит

особенно удивительным в этом контексте, что городской суд также проигнорировал возражения заявителя против некоторых обвинений, касающихся деятельности в 1992 году, которые не могли быть вменены ему из-за его очень юного возраста в соответствующее время (см.20и23выше).

162. Что касается обширных ссылок на прецедентную практику Суда, касающуюся предыдущих недавних случаев экстрадиции из России в Таджикистан, они были отклонены городским судом как не относящиеся к делу на том основании, что четыре постановления, на которые ссылались как заявитель, так и эксперт, касались « другим лицам, но не заявителю» (см. пункты22-23выше). Тем не менее, придя к такому выводу, городской суд не пытался рассмотреть возможные параллели между четырьмя делами, на которые ссылается защита, и ситуацией заявителя, не говоря уже о применении общих принципов, установленных в этих решениях, для применения требований Конвенции к настоящему случай.

163. Вышеупомянутые недостатки в рассмотрении городским судом иска заявителя усугублялись его необъяснимым и безоговорочным доверием к заверениям, предоставленным прокуратурой Таджикистана. Городской суд с готовностью принял эти заверения в качестве твердой гарантии против любого риска жестокого обращения с заявителем после его экстрадиции. Несмотря на то, что заявитель и эксперт подчеркивали сомнительную ценность этих заверений и, в частности, невозможность обеспечения их выполнения, городской суд не затронул в своем решении ни одного такого вопроса, используя заверения в качестве окончательного аргумента в пользу оставить в силе решение о выдаче заявителя.

164. Наконец, Европейский Суд не находит ничего в решении Верховного Суда Российской Федерации от 9 декабря 2010 г., согласно которому вышеупомянутые недостатки были устранены в апелляционном порядке (см.24выше).

165. Принимая во внимание вышеизложенное, Суд считает, что национальные власти не провели независимого и тщательного изучения утверждения заявителя о том, что существовали серьезные основания опасаться реального риска обращения, противоречащего статье 3, в его родной стране (см. De Souza Рибейро против Франции [БП], № 22689/07, § 82, 13 декабря 2012 г.). Хотя последующее решение ФМС о предоставлении заявителю временного убежища (см.31и96-97выше) могли в определенной степени исправить последствия обжалуемых решений об экстрадиции заявителя, Суд не находит уместным спекулировать на этот счет, учитывая, что более поздние события свели на нет любую пользу от временной меры защиты, принятой ФМС в пользу заявителя. Правительство не выразило иного мнения по последнему пункту (см.142-143и146выше).

(в) Собственная оценка Судом риска для заявителя

166. Таким образом, Суд должен провести собственную проверку того, является ли, исходя из представленных ему фактов, возвращение заявителя в Таджикистан подверг его обращению в нарушение статьи 3 Конвенции.

167. Прежде всего Суд отмечает наличие нескольких внутренних и международных отчетов, в которых за последние несколько лет постоянно сообщалось о широко распространенном и систематическом применении пыток правоохранительными органами Таджикистана безнаказанность государственных чиновников. Он уже рассмотрел ситуацию в нескольких делах, в которых заявители были экстрадированы или принудительно возвращены в эту страну, и отметил, что это вызвало серьезные опасения (см. Ходжаев, § 97; Гафоров, §§ 130-31; Хайдаров, § 104; и Искандаров, § 129, все упомянутые выше). По всем этим делам, рассмотренным Судом в 2010 году, он пришел к выводу, что в рассматриваемое время заявители подвергались серьезному риску пыток или жестокого обращения в связи с уголовными обвинениями, связанными с их политическими или религиозными взглядами или деятельностью в Таджикистане.

168. Изучив материалы, представленные в настоящем деле, а также те, которые были ему доступны, Суд не находит каких-либо существенных элементов, которые могли бы уменьшить эти серьезные опасения на данном этапе. Действительно, ничто не указывает на радикальное улучшение ситуации в Таджикистане за последние два года. Напротив, недавние сообщения, датированные 2011 и 2012 годами, как правило, подтверждают продолжающуюся практику пыток и других видов жестокого обращения со стороны сотрудников правоохранительных органов (см. 104-107 выше). Риск применения пыток, по-видимому, еще больше повышается из-за распространенной полицейской практики содержания под стражей без связи с внешним миром до официального возбуждения уголовного дела, а признания, полученные под принуждением, по-прежнему используются в качестве доказательств в суде (там же). Суд не находит в доводах правительства-ответчика ничего, что опровергло бы эти недавние сообщения или иным образом свидетельствовало о каком-либо заметном улучшении ситуации в Таджикистане. В то же время он отмечает, что решение, принятое самим заместителем директора ФМС от 26 августа 2010 г., признает существование широкой международной критики применения пыток и безнаказанности ответственных должностных лиц в Таджикистане, не сообщая о каких-либо существенных улучшениях в в этом отношении (см. пункт 27 выше).

169. Однако, как Суд уже указал выше, простая ссылка на общую проблему, касающуюся соблюдения прав человека в конкретной

стране, не может сама по себе служить основанием для отказа в экстрадиции, за исключением самых крайних обстоятельств. Конкретные утверждения заявителя по конкретному делу требуют подтверждения другими доказательствами со ссылкой на отдельные обстоятельства, подтверждающие его опасения жестокого обращения. Последнее должно быть оценено Судом с учетом, в соответствующих случаях, информации, которая стала известна после принудительного возвращения заявителя в Таджикистан.

170. Обращаясь к личной ситуации заявителя, власти Российской Федерации утверждали, что он не подвергался риску жестокого обращения, поскольку ему были предъявлены обвинения в совершении общеуголовных преступлений и он не подвергался преследованию по какому-либо политическому признаку. Суд отмечает, однако, что одно из основных обвинений против заявителя напрямую связано с его участием в «преступном сговоре», а затем в ИДУ, которое прокуратура Таджикистана отнесла к категории «преступной вооруженной группы». Российские власти прямо признали, что ИДУ выступает за «радикальный ислам» и что таджикские власти пытаются ограничить его влияние (см.27выше). Таким образом, Суд не может с готовностью согласиться с мнением властей Российской Федерации о том, что предполагаемая причастность заявителя к деятельности ИДУ была уголовным обвинением, не связанным с его религиозной или политической деятельностью.

171. Суд также отмечает в этой связи, что заявитель скрылся в Таджикистане после предполагаемого жестокого обращения и смерти в заключении его религиозного наставника г-на Маруфова (см.12выше). О последних событиях также сообщила авторитетная международная неправительственная организация (см.102выше) и ни разу не были опровергнуты в Суде. Эти обстоятельства, как правило, подтверждают опасения заявителя, что возбужденное против него уголовное дело было связано с его религиозными взглядами и деятельностью. Что заявитель был признан имеющим право на международную защиту в соответствии с мандатом УВКБ ООН и в конечном итоге ему было предоставлено временное убежище в России также подтверждает реальность того риска, которому он подвергался в своей родной стране (см. пункты30-31выше).

172. Общеизвестно, кроме того, что деятельность ИДУ была запрещена законом в Таджикистане что таджикские власти рассматривали его как террористическую организацию. Следовательно, предполагаемая причастность заявителя к ИДУ и соответствующие уголовные обвинения против него неизбежно поднимали, по мнению Суда, важный вопрос национальной безопасности. С этой точки зрения ситуация заявителя была аналогична ситуации, рассмотренной Судом в деле Гафорова

(упомянутом выше, §§ 132-33). Суд не разделяет позицию городского суда, который счел вышеупомянутое решение не относящимся к оценке личной ситуации заявителя в настоящем деле. По мнению Суда, преследование заявителя за его участие в ИДУ, рассматриваемое в контексте преследования нетрадиционных религиозных групп со стороны таджикских властей,

173. Принимая во внимание вышеизложенные факторы, Суд считает, что личные обстоятельства заявителя в сочетании с общей ситуацией с правами человека в запрашивающей стране дают достаточно оснований для вывода о том, что ему угрожала реальная опасность жестокого обращения в Таджикистане. .

174. В отличие от властей Российской Федерации Суд не понимает, каким образом риск, которому заявитель подвергнулся в Таджикистане могут быть смягчены дипломатическими заверениями таджикских властей Российской Федерации. Гарантии были расплывчатыми и не содержали никаких гарантий того, что они будут применяться на практике (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу "Саади против Соединенного Королевства", § 148). Таким образом, они не могли каким-либо образом изменить риск жестокого обращения с заявителем в принимающем государстве (см., напротив, Отман, упомянутое выше, § 207, и Гасаев против Испании (реш.), № 48514/06, 17 февраля 2009 г.). Действительно, эти заверения оказались совершенно ненадежными, учитывая то, как впоследствии власти Таджикистана обращались с заявителем в связи с его насильственной передачей в эту страну, что обходило все правовые процедуры, включая временные меры, предписанные Судом.

175. Как принудительное возвращение заявителя в Таджикистане последующие события, несомненно, подтвердили обоснованность его опасений и продемонстрировали, что риск жестокого обращения не был теоретическим и надуманным. Согласно письменным показаниям адвоката, принимавшего участие в судебном разбирательстве по делу заявителя, последний жаловался в открытом судебном заседании на его похищение, насильственное перемещение и пытки с целью получения признательных показаний. Однако отсутствует информация о том, что судебно-медицинская экспертиза заявителя и его сообвиняемых была проведена, несмотря на официальное ходатайство их родственников об этом (см.67-68выше). Суд отмечает, что описанная ситуация соответствует опасениям, высказанным Комитетом ООН против пыток в отношении затрудненного доступа жертв к независимой медицинской экспертизе (см. отчет Комитета, цитируемый в Ходжаеве, § 72, и Гафоров, § 93, оба упомянутые выше).

176. С учетом вышеизложенного Европейский Суд заключает, что принудительное возвращение заявителя в Таджикистан подвергало его реальному риску обращения, противоречащего статье 3 Конвенции.

(b) Выполнили ли власти свое позитивное обязательство по защите заявителя от реального и непосредственного риска принудительного перевода в Таджикистан

177. Заявитель утверждал, что российские власти не смогли защитить его от реальной и непосредственной опасности принудительного перевода в Таджикистан, которых они были осведомлены.

178. Суд признал установленным, что вечером 31 октября 2011 г. заявитель был похищен в Москве неизвестными лицами, которые удерживали его в течение одного или двух дней в неизвестном месте, прежде чем переправить его самолетом в Таджикистан, где он подвергся реальному риску обращения, противоречащего статье 3 (см. пункты 138 и 176 выше).

179. Суд повторяет, что обязательство Договаривающихся сторон в соответствии со статьей 1 Конвенции обеспечивать каждому, находящемуся под их юрисдикцией, права и свободы, определенные в Конвенции, в сочетании со статьей 3 требует от государств принятия мер, направленных на обеспечение того, чтобы лица в пределах их юрисдикции не подвергались пыткам или бесчеловечному или унижающему достоинство обращению, в том числе жестокому обращению со стороны частных лиц (см. *El Masri*, упомянутое выше, § 198, и *Mahmut Kaуа* против Турции, № 22535/93, § 115, ECHR 2000III). Эти меры должны обеспечивать эффективную защиту, в частности, уязвимых лиц и включать разумные меры по предотвращению жестокого обращения, о котором властям было или должно было быть известно (см. *Z and Others v. the United Kingdom [GC]*, № 29392). /95, § 73, ECHR 2001V, и,

180. По мнению Суда, вышеуказанные принципы логически применимы к ситуации, когда лицо подвергается реальной и неминуемой опасности пыток и жестокого обращения в результате его передачи любым лицом другому государству. Если власти государства-участника уведомлены о таком реальном и непосредственном риске, они обязаны в соответствии с Конвенцией принять в пределах своих полномочий такие превентивные оперативные меры, которые, по разумной оценке, могут позволить избежать этого риска. (см., *mutatis mutandis*, *Осман*, упомянутое выше, § 116).

181. Возвращаясь к обстоятельствам настоящего дела, Суд прежде всего отмечает, что представитель заявителя немедленно проинформировал об этом начальника Московского городского

управления полиции, директора ФМС, Генерального прокурора и Уполномоченного Российской Федерации в Суде Российской Федерации. похищения заявителя 31 октября 2011 г. и просил их защитить его от вытекающей из этого непосредственной опасности его принудительного перевода в Таджикистан (см. пункты 46-48 выше). Суд удовлетворен тем, что представитель заявителя своевременно обратился в соответствующие государственные органы, представил достаточные доказательства уязвимого положения заявителя и выдвинул веские причины, требующие чрезвычайных мер защиты от реальной и непосредственной опасности, с которой он столкнулся.

182. Важно отметить, что заявление представителя заявителя было немедленно поддержано Уполномоченным по правам человека в Российской Федерации, который также направил официальное обращение к начальнику Московского городского управления полиции с просьбой в срочном порядке принять все возможные меры для предотвращения трансфер из Москвы в Таджикистан, в частности через аэропорт Москвы (см. п. 49 выше).

183. Таким образом, Суд убежден, что компетентные органы и, в частности, Московское городское управление милиции, были хорошо осведомлены – или должны были знать – о реальной и непосредственной опасности того, что заявитель будет перевезен в Таджикистан его похитителями через одного из Московские аэропорты. Действительно, обстоятельства, при которых заявитель был похищен, и предыстория его похищения не должны были оставлять сомнений в существовании этого риска и должны были побудить компетентные органы принять превентивные оперативные меры для защиты его от незаконных действий со стороны других лиц, независимо от того, кто они могли быть (см., с соответствующими изменениями, Коку против Турции, № 27305/95, § 132, 31 мая 2005 г., и Османоглу против Турции, № 48804/99, § 76, 24 января 2008 г.).

184. Тем не менее, Правительство не сообщило Суду о каких-либо своевременных превентивных мерах, принятых полицией или любым другим органом власти для предотвращения этого риска. Их ответ сводился к общему заявлению о том, что свобода передвижения заявителя не ограничивалась в соответствующее время и что власти не были обязаны осуществлять какое-либо наблюдение в отношении него.

185. Непредставление Правительством какой-либо информации в этой связи заставляет Европейский Суд согласиться с мнением заявителя о том, что такие меры не принимались никаким органом власти. Суд принимает во внимание неизбежные трудности, с которыми может столкнуться полиция при рассмотрении дела, подобного настоящему, объективные препятствия, присущие этой задаче, и ограниченное время. Эти трудности, однако, не могут

освобождать соответствующие органы от их обязанности в соответствии со статьей 3 Конвенции принимать в пределах своих полномочий такие превентивные оперативные меры, которых можно было разумно ожидать от них для защиты заявителя от его насильственных действий. трансфер в Таджикистан, в частности через аэропорт Москвы.

(с) Провели ли власти эффективное расследование

186. Заявитель утверждал, что его жалоба на похищение и принудительный перевод в Таджикистан, с последующим жестоким обращением, не было проведено тщательного и эффективного расследования в государстве-ответчике, как того требует статья 3 Конвенции.

187. Суд повторяет, что статья 3, рассматриваемая в сочетании с общей обязанностью государства в соответствии со статьей 1 Конвенции «обеспечивать каждому лицу, находящемуся под его юрисдикцией, права и свободы, определенные в... [Конвенции], подразумевает, что быть эффективным официальным расследованием любых спорных утверждений о пытках или жестоком обращении со стороны представителей государства. Такое расследование должно привести к установлению и наказанию виновных. В противном случае общий правовой запрет на пытки и бесчеловечное и унижающее достоинство обращение и наказание, несмотря на его принципиальное значение, будет неэффективным на практике, и в некоторых случаях представители государства смогут злоупотреблять правами подконтрольных им лиц с помощью виртуальных безнаказанности (см. Ассенов и другие против Болгарии, 28 октября 1998 г., § 102,

188. Расследование серьезных заявлений о жестоком обращении должно быть быстрым и тщательным. Это означает, что власти всегда должны предпринимать серьезные попытки выяснить, что произошло, и не должны полагаться на поспешные или необоснованные выводы, чтобы закрыть свое расследование или использовать их в качестве основы для своих решений (см. Assenov and Others, упомянутое выше, § 103; *Bati and Others v. Turkey*, № 33097/96 и 57834/00, § 136, ECHR 2004IV (выдержки) и *El Masri*, упомянутое выше, § 183). Они должны предпринять все доступные им разумные шаги для получения доказательств, касающихся инцидента, включая, среди прочего, показания очевидцев и доказательства судебной экспертизы (см. *Танрыкулу против Турции [БП]*, № 23763/94, § 104, ЕСПЧ 1999IV; *Гюль против Турции*, № 22676/93, § 89, 14 декабря 2000 г., и *El Masri*, упомянутое выше, § 183).

189. Расследование должно быть независимым от исполнительной власти как в институциональном, так и в практическом плане (см. *Ergi против Турции*, 28 июля 1998 г., §§ 83-84, Reports 1998IV; *Oğur против*

Турции [БП], № 21594/93, §§ 91-92, ЕСЧР 1999-III и Мехмет Эмин Юксель против Турции, № 40154/98, § 37, 20 июля 2004 г.) и позволить потерпевшему эффективно участвовать в расследовании в той или иной форме (см., *mutatis mutandis*, Огур, упомянутое выше, § 92, и Эль Масри, упомянутое выше, §§ 184-85).

190. Суд считает, что эти общепризнанные требования Конвенции полностью применимы к расследованию, которое власти должны были провести в связи с похищением заявителя и последующим жестоким обращением и пытками в Таджикистан. Действительно, как указывалось выше, соответствующая информация и жалобы были доведены до сведения властей сразу же после похищения заявителя 31 октября 2011 г. и привели к доследственным проверкам, которые длились более года.

191. На определенном этапе стало очевидно, что заявитель имел *prima facie* дело по статье 3 Конвенции, которое требовало эффективного расследования на национальном уровне. Хотя сразу после похищения заявителя в Москве неустановленными лицами могли возникнуть некоторые сомнения в отношении роли, которую в этом инциденте сыграли агенты российского государства, жалоба на последующую его переправку в Таджикистан через московский аэропорт в нарушение всех юридических процедур должна была привлечь к себе самое пристальное внимание властей, поскольку представители заявителя утверждали, что представители государства активно или пассивно участвовали в этой операции. 30 марта 2012 г. (см. выше).

192. Более того, тот же вопрос был явно поднят Судом 17 января 2012 года (см. выше), в котором конкретно просили Правительство разъяснить решающий аспект инцидента, а именно предполагаемое соучастие между теми, кто похитил заявителя и переправил его в Таджикистан, и российскими властями, включая полицию, службы безопасности и пограничный контроль (со ссылкой на *mutatis mutandis*, дело Цечоев против России, № 39358/05, § 151, 15 марта 2011 г.). Требование о проведении исчерпывающего расследования инцидента было повторено в письме от 25 января 2012 г., которое Секретарь направил правительству Российской Федерации от имени Председателя Суда (см. выше).

193. На этом фоне результаты, полученные в ответ на внутреннее расследование, как указано в пунктах 55-65 выше непонятно. Во-первых, следователи строго ограничивали свои действия «доследственными проверками» по ст. 144 УПК, упорно отказывая в возбуждении уголовного дела, что явилось бы лучшим, если не единственным, инструментом соблюдения Конвенции. требования эффективного расследования, изложенные в пунктах 187-190 выше. Учитывая, в частности, ограниченность процессуальных рамок,

предусмотренных статьей 144, и необеспечение эффективного участия потерпевшего или его представителей в расследовании, у Суда есть серьезные сомнения в том, что доследственное расследование было способно выполнить вышеуказанные требования в ситуации, когда лицо подало доказуемую жалобу на пытки или жестокое обращение, как в настоящем деле (см., с соответствующими изменениями, Клейн и Александрович против России, № 40657/04, §§ 5658, 3 мая 2012 г.).

194. Во-вторых, процессуальная стратегия, использованная следственными органами в деле заявителя, вызывает дополнительные опасения. Фактически постановления, которыми следователи завершали свои дознания и отказывали в возбуждении уголовного дела, немедленно отменялись их начальством как минимум в четырех случаях, а через несколько недель повторялись либо в идентичных, либо очень похожих формулировках (см.55-63выше). Например, второе постановление старшего следователя П.К. от 20 апреля 2012 года об отказе в возбуждении уголовного дела дословно повторяло его первое постановление от 21 марта 2012 года. Никулинского следственного отдела или его заместителя 23 апреля и 21 марта 2012 года соответственно. За ними последовали еще два последовательных постановления следователей, также об отказе в возбуждении уголовного дела без добавления каких-либо новых существенных элементов. Суд обязан заключить, что процесс неоднократной отмены и возобновления идентичных решений отделом расследований привел к тому, что разбирательство застопорилось таким образом, что это несовместимо с требованием Конвенции об эффективном расследовании. Мало того, что было потеряно драгоценное время, но и порочный круг внутри следственного отдела лишил заявителя какой-либо разумной возможности обжаловать решения следователей в суде в соответствии со статьей 125 Уголовно-процессуального кодекса. При таких обстоятельствах Суд не видит смысла для заявителя в получении такого судебного пересмотра, поскольку это только побудило бы следователей повторить еще один цикл своих бесплодных расследований.

195. В-третьих, Суд отмечает, что по существу решения следователей точно отражают недостатки следственного процесса, отмеченные выше. Их решения представляют собой простую компиляцию общих констатаций фактов, бессмысленных процессуальных требований и ссылок на недостоверные предположения. Например, еще 9 июня 2012 года заместитель начальника Никулинского следственного отдела запросил повторную проверку того, пересекал ли заявитель границу Таджикистана и находился ли он под стражей в этой стране (см.62выше). Тем не менее, власти должны были знать об официальном письме от 28 марта 2012 года Генерального прокурораТаджикистанпроинформировав своего

российского коллегу о том, что заявитель был задержан в Таджикистан в соответствующее время (см.44 выше). Несмотря на этот очевидный факт, в постановлении следователя от 9 июля 2012 г. сделан непонятный вывод о невозможности подтвердить или опровергнуть информацию о пересечении государственной границы заявителем (см.63 выше). Аналогичным образом, с марта по июль 2012 года следователи упорно опирались на гипотезу о том, что заявитель мог инсценировать свое похищение, чтобы избежать уголовной ответственности в Таджикистане. Суд уже установил, что эта гипотеза лишена всякого смысла ввиду очевидной причинно-следственной связи между похищением заявителя в Москве и его арест в его родной стране (см. пункт 136 выше). В то же время следователи не предприняли элементарных и прямолинейных следственных действий, таких как выяснение того, какие авиакомпании выполняли рейсы из Москвы в Худжанд в период с 1 по 3 ноября 2011 г., и допрос службы безопасности и административного персонала аэропорта Домодедово, где находился заявитель. Сообщается, что он сел в самолет. Вместо этого следователь сослался только на «проверку» ФСБ возможного незаконного пересечения заявителем государственной границы Российской Федерации и с готовностью воспроизвел общее утверждение о том, что российское законодательство не предусматривает «записи имен лиц, пересекающих границу».

196. По мнению Суда, многочисленные недостатки в расследовании, указанные выше, как по характеру, так и по степени, явно несовместимы с обязательствами государства-ответчика по статье 3 Конвенции.

(d) Несет ли государство-ответчик ответственность за пассивное или активное участие его представителей в насильственном перемещении заявителя в Таджикистан

197. На основании фактов, уже установленных в соответствии с требуемым стандартом доказывания, Европейский Суд теперь должен рассмотреть вопрос о том, несет ли государство-ответчик также ответственность в соответствии с Конвенцией в связи с предполагаемой причастностью представителей государства к передаче заявителя в Таджикистан.

198. Хотя заявитель не смог представить каких-либо свидетельских показаний на этот счет, он утверждал, что его переброска в Таджикистан через московский аэропорт Домодедово не могла произойти без ведома и без пассивного или активного участия российских властей.

199. В ответ Суд попросил Правительство объяснить, как и кем заявитель был перевезен из Москвы в Таджикистан против его воли без соблюдения пограничных, таможенных и других формальностей в

Российской Федерации. Однако они не представили никаких пояснений (см.42-45и124выше). В результате Суд не получил веских доказательств ни в пользу, ни против утверждения заявителя.

200. Суд считает уместным в этой связи еще раз подчеркнуть свои естественные ограничения как международного суда, когда речь идет о проведении эффективного установления фактов, что в принципе и на практике должно быть прерогативой национальных властей (см., кроме того, в многочисленные инстанции, упомянутые выше, Демопулос и другие против Турции (реш.), №№ 46113/99 и др., § 69, ЕСПЧ 2010 г.). Разбирательство Суда в отношении таких спорных вопросов, как поднятые в настоящем деле, тем более зависит от сотрудничества государств-ответчиков в соответствии с их обязательством в соответствии со статьей 38 Конвенции по предоставлению всех необходимых условий для установления фактов. Органы Конвенции неоднократно подчеркивали, что это обязательство имеет фундаментальное значение для надлежащего и эффективного функционирования системы Конвенции (см., среди прочего, Tanırkulu против Турции [БП], упомянутое выше, § 70, и Резолюции Комитета министров ResDH(2001)66 и ResDH(2006)45). По мнению Суда, единственным реальным способом для России выполнить свое обязательство в настоящем деле было обеспечение проведения исчерпывающего расследования инцидента и информирование Суда о его результатах. Однако российские власти явно этого не сделали (см. единственным реальным способом для России выполнить свое обязательство в данном деле было обеспечение проведения исчерпывающего расследования инцидента и информирование Суда о его результатах. Однако российские власти явно этого не сделали (см. единственным реальным способом для России выполнить свое обязательство в данном деле было обеспечение проведения исчерпывающего расследования инцидента и информирование Суда о его результатах. Однако российские власти явно этого не сделали (см.193-196выше), что побудило Суд рассмотреть весьма спорные вопросы вместо национальных властей. Такое непредставление государством-участником важной информации и доказательств вынуждает Суд сделать убедительные выводы в пользу позиции заявителя (Правило 44С § 1 Регламента Суда). В этой связи Суд также придает большое значение тому, как проводились официальные расследования, поскольку власти, по-видимому, не хотели раскрывать правду об обстоятельствах дела (см. El Masri, упомянутое выше, §§ 191 -93).

201. Суд также принимает во внимание объективные трудности, с которыми заявитель мог представить доказательства в поддержку своих утверждений, поскольку рассматриваемые события находились в исключительном ведении властей. Его утверждение в значительной

степени подкреплялось неопровергнутой презумпцией, поддержанной Судом в решении по делу Искандарова (упомянутом выше, §§ 113-15), что его принудительный перевод в Таджикистане могло произойти без ведома и пассивного или активного участия российских властей. Совсем недавно Суд пришел к такому же выводу в еще одном подобном деле (см. «Абдулхаков против России», № 14743/11, §§ 12527, 2 октября 2012 г.). Оба дела выявили очень похожие обстоятельства, при которых заявители были принудительно переведены в Таджикистан самолетом из Москва или окружающей регион.

202. Суд не усматривает причин для иного вывода в настоящем деле. Действительно, нельзя оспаривать тот факт, что любой аэропорт, обслуживающий международные рейсы, подлежит повышенным мерам безопасности, оставаясь под постоянным контролем властей государства-ответчика и, в частности, Государственной пограничной службы. Уже один этот факт, как правило, исключает при обычных обстоятельствах возможность того, что физическое лицо может быть насильственно доставлено непосредственно на аэродром и посажено на борт самолета, направляющегося в иностранное государство, без необходимости отчитываться перед какими-либо государственными органами. Соответственно, любое такое действие требует разрешения или, по крайней мере, молчаливого согласия государственных агентов, отвечающих за данный аэропорт, и, в частности, тех, кто эффективно контролирует контрольно-пропускные пункты доступа на аэродром.

203. Как и в двух предыдущих аналогичных делах, упомянутых выше, Правительство не представило доказательств, опровергающих эту презумпцию в настоящем деле. Они также не предоставили каких-либо правдоподобных объяснений того, как заявительница могла быть взята на борт самолета и доставлена из Москвы в Худжанд, не отчитываясь перед каким-либо должностным лицом российского государства. Более того, власти явно не смогли выяснить обстоятельства инцидента посредством эффективного расследования на национальном уровне. Эти элементы достаточны для Суда, чтобы сделать вывод о том, что государство-ответчик должно нести ответственность в соответствии с Конвенцией за принудительную передачу заявителя в Таджикистан в связи с участием представителей государства в этой операции.

204. Вывод Суда тем более тревожен, что оспариваемые действия представителей государства характеризовались явным произволом и злоупотреблением властью с целью обойти законное решение ФМС о предоставлении заявителю временного убежища в России (см. ст. 12(4) Закон о беженцах) и шаги, официально предпринятые Правительством для предотвращения экстрадиции заявителя в соответствии с временными мерами, принятыми Судом (см. 5 выше и абзац 209 ниже).

Хотя задействованные здесь оперативные процедуры во многих отношениях отличались от так называемых «чрезвычайных выдач», рассмотренных в некоторых недавних делах, выводы Суда убедительно показывают, что операция с участием представителей государства в настоящем деле также проводилась «вне обычных правовых норм». системы» и «преднамеренным обходом надлежащей правовой процедуры является анафемой для верховенства права и ценностей, защищаемых Конвенцией» (см., *mutatis mutandis*, *Бабар Ахмад и другие против Соединенного Королевства*(дек.) № 24027/07, 11949/08 и 36742/08, §§ 113-14, 6 июля 2010 г., и *El Masri*, упомянутое выше, § 239).

(е) Выводы

205. Следовательно, Суд приходит к выводу, что имело место нарушение статьи 3 Конвенции по каждому из трех рассмотренных выше разделов, а именно неспособность властей защитить заявителя от принудительного перевода в Таджикистан, где он столкнулся с реальной и неминуемой опасностью. пыток и жестокого обращения; отсутствие эффективного расследования инцидента; и участие, пассивное или активное, государственных агентов в этой операции.

III. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 13 КОНВЕНЦИИ

206. Заявитель жаловался в соответствии со статьей 13 Конвенции на отсутствие эффективных внутренних средств правовой защиты в России в отношении его жалобы по статье 3 Конвенции. Статья 13 гласит:

«Каждый, чьи права и свободы, изложенные в [Конвенции], нарушены, должен иметь эффективное средство правовой защиты перед национальным органом власти, несмотря на то, что нарушение было совершено лицами, действующими в официальном качестве».

207. Считая эту жалобу приемлемой, Суд отмечает, что она поднимает те же вопросы, что и уже рассмотренные в соответствии со статьей 3 Конвенции. Ввиду своей аргументации и выводов, сделанных в соответствии с последним положением (см., в частности, пункты 159-165 выше), Суд не считает необходимым отдельно рассматривать жалобу заявителя в соответствии со статьей 13 Конвенции.

IV. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 34 КОНВЕНЦИИ

208. Заявитель жаловался, что его принудительный перевод в Таджикистан был нарушением временной меры, указанной Судом в

соответствии с правилом 39, и, таким образом, нарушил его право на подачу индивидуальной жалобы. Он сослался на статью 34 Конвенции, которая гласит:

«Суд может принимать заявления от любого лица, неправительственной организации или группы лиц, утверждающих, что они являются жертвами нарушения одной из Высоких Договаривающихся Сторон прав, изложенных в Конвенции или Протоколах к ней. Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются никоим образом не препятствовать эффективному осуществлению этого права».

Правило 39 Регламента Суда предусматривает:

«1. Палата или, в соответствующих случаях, ее Председатель может по просьбе стороны или любого другого заинтересованного лица или по своей собственной инициативе указать сторонам любые временные меры, которые, по ее мнению, должны быть приняты в интересах сторон или надлежащего ведения разбирательства перед ним.

2. Если это считается уместным, немедленное уведомление о мерах, принятых в конкретном случае, может быть направлено Комитету министров.

3. Палата может запросить у сторон информацию по любому вопросу, связанному с применением любой обеспечительной меры, на которую она указала».

209. Правительство утверждало, что заявитель мог беспрепятственно осуществлять свои права, включая право на подачу жалобы в соответствии со статьей 34 Конвенции. Они также сослались на свое письмо от 16 декабря 2010 г., информирующее Суд о шагах, предпринятых в соответствии с обеспечительными мерами, указанными Судом в соответствии с правилом 39, для предотвращения экстрадиции заявителя в Таджикистан (см. пункт 5 выше). Соответствующие письма были направлены в прокуратуру г. Москвы и в Федеральную службу исполнения наказаний с просьбой приостановить любые действия по выдворению или экстрадиции или иному принудительному выдворению заявителя в Таджикистан. В результате заявитель не был передан Таджикистан через процедуру экстрадиции.

210. Заявитель утверждал, что ответственность государства-ответчика в связи с причастностью представителей государства к его выдворению с территории России, несмотря на обеспечительные меры, указанные Судом, обязательно повлекла за собой нарушение его права на подачу индивидуальной жалобы.

211. Суд повторяет, что в силу статьи 34 Конвенции Договаривающиеся государства обязуются воздерживаться от любых действий или бездействия, которые могут помешать эффективному осуществлению права на подачу индивидуальной жалобы, которое

неоднократно подтверждалось как краеугольный камень системы Конвенции. Согласно установленной судебной практике Суда, неисполнение государством-ответчиком обеспечительных мер влечет за собой нарушение этого права (см. Маматкулов и Аскарлов, упомянутое выше, §§ 102 и 125, и Абдулхаков, упомянутое выше, § 222).

212. Суд не может не подчеркнуть особое значение, придаваемое обеспечительным мерам в системе Конвенции. Их цель состоит не только в проведении эффективного рассмотрения заявки, но и в обеспечении эффективности защиты, предоставляемой заявителю Конвенцией; такие указания впоследствии позволяют Комитету министров контролировать исполнение окончательного решения. Таким образом, такие меры позволяют заинтересованному государству выполнить свое обязательство по выполнению окончательного решения Суда, которое имеет обязательную юридическую силу в силу статьи 46 Конвенции (см. Грузия и Россия, упомянутое выше, § 473; Аулми против Франции, № 50278/99, § 108, ЕСПЧ 2006I (выдержки) и Бен Хемайс против Италии, № 246/07, § 82, 24 февраля 2009 г.).

213. Чрезвычайное значение обеспечительных мер подчеркивается еще и тем фактом, что Суд выносит их, как правило, в действительно исключительных случаях на основе тщательного изучения всех соответствующих обстоятельств. В большинстве из них заявители сталкиваются с реальной угрозой жизни и здоровью с вытекающим из этого реальным риском серьезного и необратимого вреда в нарушение основных положений Конвенции. Эта жизненно важная роль, которую играют обеспечительные меры в системе Конвенции, не только подкрепляет их обязательную юридическую силу для соответствующих государств, что подтверждается сложившейся прецедентной практикой, но и обуславливает исключительную важность, которую следует придавать вопросу о соблюдении государствами-участниками с указаниями Суда в этом отношении (см., в частности, 119 выше, а также Комитетом министров в его Промежуточной резолюции CM/ResDH(2010)83 по делу Бена Хемайса, упомянутому в пункте 117 выше). Любая небрежность в этом вопросе неприемлемо ослабила бы защиту основных прав, предусмотренных Конвенцией, и была бы несовместима с ее ценностями и духом (см. Soering, упомянутое выше, стр. 3435, § 88); это также противоречило бы фундаментальной важности права на подачу индивидуальной жалобы и, в более общем плане, подорвало бы авторитет и эффективность Конвенции как конституционного инструмента европейского общественного порядка (см. Маматкулов и Аскарлов, упомянутое выше, §§ 100 и 125). и, *mutatis mutandis*, Лоизиду против Турции (предварительные возражения), 23 марта 1995 г., § 75, Серия А, № 310).

214. Рассматривая настоящее дело в свете вышеуказанных принципов, Суд отмечает, что он раскрыл такие исключительные обстоятельства, требующие указания правительству-ответчику временных мер. 7 декабря 2010 г. последним было предложено в интересах сторон и надлежащего ведения разбирательства в Суде не экстрадировать заявителя в Таджикистан до дальнейшего уведомления. 16 декабря 2010 г. Правительство сообщило Суду, что власти предприняли соответствующие шаги, чтобы гарантировать, что заявитель не будет экстрадирован в Таджикистан до дальнейшего уведомления (см. пункты 5и209 выше). Несмотря на предпринятые шаги, в ноябре 2011 г. заявитель был насильственно доставлен самолетом из Москвы в Худжанд в рамках специальной операции, в которой было установлено участие представителей государства (см. 202-203 выше).

215. Правительство не согласилось с тем, что эти обстоятельства свидетельствуют о нарушении обеспечительных мер, утверждая, что передача заявителя в Таджикистан не была осуществлена в рамках процедуры экстрадиции, которая была немедленно приостановлена после решения Суда от 7 декабря 2010 г. Суд не убедился в доводах Правительства. Хотя меры, принятые для приостановления экстрадиции, могут свидетельствовать о первоначальной готовности Правительства выполнить временные меры, они, по мнению Суда, не могут снять с Государства ответственность за последующие события в деле заявителя. Правительство также не могло правомерно утверждать, как можно предположить из их доводов, что принудительному возвращению заявителя в Таджикистан не помешали обеспечительные меры, которые были сформулированы Судом в настоящем деле.

216. Суд признает, что обеспечительная мера в настоящем деле, испрошенная заявителем и сформулированная в решении Суда от 7 декабря 2010 г., была направлена на предотвращение его экстрадиции, которая была наиболее неизбежным законным способом высылки заявителя. из России в Таджикистан в соответствующее время. Хотя формулировка обеспечительных мер является одним из элементов, которые Суд должен принимать во внимание при анализе того, выполнило ли государство свои обязательства по статье 34, Суд должен принимать во внимание не только букву, но и дух обеспечительных мер. указанная обеспечительная мера (см. Палади против Молдовы [БП], № 39806/05, § 91, 10 марта 2009 г.) и, действительно, соответствует самой ее цели. Единственная цель обеспечительных мер, как указано Судом в настоящем деле – и Правительство не утверждало, что не знало об этом – было направлено на то, чтобы предотвратить подвержение заявителя реальной опасности жестокого обращения со стороны таджикских властей. Не могло остаться никаких сомнений относительно цели или обоснования этой

обеспечительной меры после того, как 30 января 2011 года дело было сообщено Правительству и Суду был присвоен приоритет. Понимание Правительством духа и цели обеспечительной меры также подтверждается инструкциями, которые они направили различным национальным органам с целью приостановить «любые действия по выдворению, экстрадиции или иному насильственному выдворению заявителя в Таджикистан» (см.209выше). Тот факт, что власти строго соблюдали обеспечительную меру в течение почти одиннадцати месяцев до неожиданных событий 31 октября 2011 г., также свидетельствует о том, что ее цель и правовые последствия не вызывали сомнений.

217. Ввиду жизненно важной роли, которую играют обеспечительные меры в системе Конвенции, они должны строго соблюдаться заинтересованным государством. Таким образом, Суд не может себе представить, чтобы позволить властям обойти временную меру, подобную той, которая указана в настоящем деле, путем использования другой внутригосударственной процедуры высылки заявителя в страну назначения или, что еще более тревожно, позволив ему быть произвольно выдворен в эту страну явно незаконным образом. Тем не менее, последнее является именно тем, за что Суд признал государство-ответчика ответственным в настоящем деле (см.202-203выше). Поступая таким образом, государство разрушило цель обеспечительной меры, которая была направлена на сохранение статус-кво до рассмотрения жалобы Судом. В результате заявитель подвергался реальному риску жестокого обращения вТаджикистане Суд не смог обеспечить ему практическую и эффективную выгоду от его права в соответствии со статьей 3 Конвенции.

218. Правительство не продемонстрировало, что существовало какое-либо объективное препятствие, препятствующее соблюдению обеспечительных мер (см. Paladi, упомянутое выше, § 92). Что еще более серьезно, они не дали никакого объяснения произволу представителей государства, которые позволили принудительно отправить заявителя на рейс из Москвы в Худжанд; еще меньше они привлекли виновных к ответственности (см., напротив, Муминов против России, № 42502/06, § 44, 11 декабря 2008 г.). Власти неприемлемо упорствовали в отказе расследовать дело даже после того, как Суд рассмотрел соответствующие вопросы, особо привлекая внимание Правительства к тревожной и беспрецедентной ситуации, созданной повторением таких неприемлемых инцидентов (см.52выше).

219. Следовательно, Суд приходит к выводу, чтоРоссияпроигнорировал обеспечительную меру, указанную Судом в настоящем деле в соответствии с правилом 39 Регламента Суда, в нарушение своего обязательства по статье 34 Конвенции.

V. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ ПУНКТА 4 СТАТЬИ 5 КОНВЕНЦИИ

220. Заявитель также жаловался в соответствии со статьей 5 § 4 на чрезмерные задержки в судебном рассмотрении Московским городским судом его жалоб на постановления о содержании под стражей, вынесенные 15 января и 17 мая 2010 г. Мещанским районным судом. Он подал ту же жалобу в отношении судебного пересмотра Верховным судом его жалобы на постановление о заключении под стражу, вынесенное 19 ноября 2010 года Московским городским судом. Соответствующее положение гласит:

«Каждый, кто лишен свободы путем ареста или задержания, имеет право возбудить судебное разбирательство, в ходе которого суд без промедления решает законность его задержания и выносит постановление о его освобождении, если задержание является незаконным».

A. Приемлемость

221. Суд отмечает, что жалоба заявителя на постановление о заключении под стражу от 15 января 2010 г. была отклонена в последней инстанции 22 марта 2010 г., в то время как его жалоба не была подана в Суд до 6 декабря 2010 г. Отсюда следует, что жалоба на продолжительность этих дел было возбуждено после истечения шестимесячного срока и поэтому должно быть объявлено неприемлемым в соответствии со статьей 35 § 1 Конвенции. Далее Суд отмечает, что остальная часть жалобы заявителя по статье 5 § 4 не является ни явно необоснованной по смыслу статьи 35 § 3 (а), ни неприемлемой по каким-либо другим основаниям. Следовательно, оно должно быть признано допустимым.

Б. Достоинства

222. Правительство не оспаривало довод заявителя, а лишь подтвердило даты решений, которыми Московский городской суд и Верховный суд отклонили жалобы заявителя на постановления о заключении под стражу. Правительство также сослалось в этой связи на строгие сроки, предусмотренные статьями 108 и 109 Уголовно-процессуального кодекса, которые предусматривают, в частности, что жалоба в вышестоящий суд на постановление о заключении под стражу должна быть рассмотрена в течение трех дней (статья 108 § 11).

223. Заявитель поддержал свою жалобу.

224. Суд повторяет, что статья 5 § 4 Конвенции провозглашает право на безотлагательное судебное решение относительно законности

содержания под стражей и распоряжения о его прекращении, если оно окажется незаконным (см. *Baranowski v. Poland*, № 28358/95, § 68, ECHR 2000III).). Пункт 4 статьи 5 не обязывает Договаривающиеся государства устанавливать второй уровень юрисдикции для проверки законности задержания. Однако, если национальное законодательство предусматривает апелляцию, апелляционный орган также должен соблюдать требования статьи 5 § 4, например, в отношении оперативности рассмотрения дела в апелляционном производстве. В то же время критерий «скорости» менее строг, когда речь идет о рассмотрении дела в суде апелляционной инстанции (см. *Лебедев против России*, № 4493/04, § 96, 25 октября 2007 г., и *Абдулхаков*, упомянутое выше, § 198).

225. Хотя количество дней, необходимых для проведения соответствующего судебного разбирательства, безусловно, является важным элементом, само по себе оно не обязательно имеет решающее значение для вопроса о том, было ли решение вынесено с необходимой скоростью (см. *Мери против Нидерландов* (реш.), № 664/05, 20 сентября 2007 г.). Во внимание принимается усердие, проявленное властями, задержка по вине заявителя и любые факторы, вызвавшие задержку, за которые государство не может нести ответственность (см. *Яблонски против Польши*, № 33492/96, §§ 91-94). , 21 декабря 2000 г., и *ГБ против Швейцарии*, № 27426/95, §§ 3439, 30 ноября 2000 г.). Таким образом, вопрос о том, было ли соблюдено право на быстрое решение, должен решаться в свете обстоятельств каждого дела (см. *Ребок против Словении*, № 29462/95, § 84, ECHR 2000-XII, и *Абдулхаков*, цит. выше, § 199).

226. Возвращаясь к настоящему делу, Суд отмечает, что жалоба заявителя на постановление о заключении под стражу от 17 мая 2010 г. была подана 19 мая 2010 г. и отклонена Московским городским судом 12 июля 2010 г., то есть в течение 54 дней. Жалоба заявителя на решение городского суда от 19 ноября 2010 г. о дальнейшем продлении его содержания под стражей была подана 22 ноября 2010 г. и отклонена Верховным судом 21 декабря 2010 г., то есть в течение 29 дней.

227. Прежде всего Суд отмечает, что оспариваемые задержки в 29 и 54 дня превышают то, что он уже признал нарушением требования «безотлагательности» в некоторых аналогичных делах против России (см., для сравнения, *Абидов против России*, нет. 52805/10, §§ 60-63, 12 июня 2012 г., и *Ниязов против России*, №. 27843/11, §§ 155-64, 16 октября 2012 г.). Правительство не дало никаких объяснений таких длительных задержек, сославшись на требование внутреннего законодательства о том, что жалоба на постановление о заключении под стражу должна быть рассмотрена в течение трех дней.

228. Суд не находит ничего, что указывало бы на то, что заявитель или его адвокат способствовали затягиванию апелляционного производства (в отличие от Лебедева, упомянутого выше, §§ 99-100, и Федоренко против России, № 39602/05, § 81, 20 сентября). 2011). Из этого следует, что вся продолжительность апелляционного производства относится к национальным властям. Суд отмечает, что районный суд, городской суд и Верховный суд были географически очень близки, что, в принципе, должно способствовать более быстрой коммуникации между ними, в частности, в отношении передачи материалов дела или графика обжалования. слушания были обеспокоены.

229. Представляется, что при определении законности содержания заявителя под стражей апелляционным судом не возникало каких-либо сложных вопросов (сравните упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу "Лебедев против Соединенного Королевства", § 102). Не утверждалось также, что надлежащий пересмотр содержания заявителя под стражей требовал, например, сбора дополнительных замечаний и документов.

230. Принимая во внимание вышеуказанные обстоятельства и егопрецедентной практики в аналогичных делах, упомянутых выше, Суд считает, чтозадержки в рассмотрении жалоб заявителя на постановления о задержании были несовместимы с требованием «скорости» статьи 5 § 4.

231. Таким образом, имело место нарушение пункта 4 статьи 5 Конвенции.

VI. ДРУГИЕ ПРЕДПОЛАГАЕМЫЕ НАРУШЕНИЯ КОНВЕНЦИИ

232. Наконец, Суд рассмотрел другие жалобы, поданные заявителем, и, принимая во внимание все материалы, находящиеся в его распоряжении, и в той мере, в какой эти жалобы подпадают под компетенцию Суда, он находит, что они не раскрывают каких-либо признаков нарушения прав и свобод, изложенных в Конвенции или протоколах к ней. Из этого следует, что эта часть жалобы должна быть отклонена как явно необоснованная в соответствии со статьей 35 §§ 3 (а) и 4 Конвенции.

VII. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

233. Статья 41 Конвенции предусматривает:

«Если Суд установит, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, и если внутреннее право заинтересованной Высокой Договаривающейся Стороны допускает лишь частичное возмещение, Суд, в случае необходимости, предоставляет справедливое удовлетворение пострадавшая сторона».

А. Ущерб

234. Заявитель потребовал 30 000 евро в качестве компенсации морального вреда. Он обосновал высокую сумму своего иска жестоким обращением, которому он подвергся в Таджикистане после его принудительного перемещения в эту страну, и ссылкой на решение, вынесенное Судом при аналогичных обстоятельствах по делу Искандарова (упомянутое выше, § 156).

235. Правительство утверждало, что любой моральный вред будет компенсирован в случае установления Судом нарушения.

236. Суд повторяет, что статья 41 уполномочивает его предоставить потерпевшей стороне такую справедливую компенсацию, которая представляется уместной. Он отмечает, что в настоящем деле он обнаружил несколько нарушений Конвенции, большинство из которых следует рассматривать как чрезвычайно серьезные. В результате заявителю, несомненно, был причинен моральный вред, который не может быть компенсирован простым установлением факта нарушения. Оценивая на справедливой основе, Суд полностью удовлетворяет требования заявителя и присуждает ему 30 000 евро в качестве компенсации морального вреда, а также любые налоги, которые могут взиматься с этой суммы.

Б. Затраты и расходы

237. Заявитель также потребовал 25 000 российских рублей (620 евро) в качестве компенсации расходов на его юридическое представительство в национальном разбирательстве и 5 300 евро в качестве компенсации судебных издержек, понесенных в Суде. Он также потребовал 414 евро за административные и почтовые расходы.

238. Правительство оспорило это требование. По их мнению, заявитель не смог доказать, что расходы были разумными, необходимыми и действительно понесенными.

239. В соответствии с прецедентной практикой Суда заявитель имеет право на возмещение судебных издержек и издержек только в той мере, в какой было доказано, что они были фактически и необходимо понесены и являются разумными по размеру. Поскольку

заявитель не представил никаких документов, подтверждающих административные и почтовые расходы, Суд отклоняет эту часть требования.

240. Что касается судебных издержек, принимая во внимание документы, находящиеся в его распоряжении, и вышеуказанные критерии, Суд удовлетворяет требование заявителя и присуждает общую сумму в размере 5 920 евро, покрывающую судебные издержки и расходы в рамках национального разбирательства и в Суде, плюс любые налоги, которые могут быть начислены на эту сумму.

С. Проценты за неуплату

241. Суд считает целесообразным, чтобы процентная ставка по умолчанию основывалась на предельной кредитной ставке Европейского центрального банка, к которой следует добавить три процентных пункта.

VIII. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 46 КОНВЕНЦИИ

242. Статья 46 Конвенции предусматривает:

«1. Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются соблюдать окончательное решение Суда по любому делу, сторонами которого они являются.

2. Окончательное решение Суда передается в Комитет министров, который осуществляет надзор за его исполнением.

...»

243. Суд отмечает, что настоящее дело выявило ряд нарушений одного из основных прав, защищаемых Конвенцией, – запрет пыток и жестокого обращения, – которые не были предотвращены ни с помощью внутренних средств правовой защиты, ни с помощью временных мер, указанных Судом. Он также отмечает, что аналогичные нарушения со стороны государства-ответчика были обнаружены в недавнем прошлом и что тревожные жалобы на исчезновение и насильственное перемещение заявителей в Таджикистане и Узбекистане продолжают регулярно подаваться в Суд, несмотря на указание на временные меры и заверения Правительства в том, что эти меры будут соблюдены.

244. Суд полностью осознает трудности, которые могут возникнуть в процессе исполнения соответствующих судебных решений, не в последнюю очередь по причине того, что заявители находятся под юрисдикцией государства, которое не соблюдает Конвенцию. Таким образом, могут возникнуть вопросы в отношении различных аспектов исполнения, таких как выплата справедливой компенсации и принятие

других мер по исправлению положения в отношении заявителя. Суд также не недооценивает важность общих мер по предотвращению дальнейших подобных нарушений и возможных вопросов, связанных с выявлением и принятием таких мер.

245. Суд также указывает в этом контексте, что в течение последних десяти лет Договаривающиеся государства постоянно призывали его воспользоваться возможностью предоставить информацию, помогающую соответствующему государству выявить основные проблемы и необходимые меры для выполнения решения (см., в частности, Резолюция Комитета министров Res(2004)3 от 12 мая 2004 г. и Декларации, принятые Высокими Договаривающимися Сторонами на Интерлакенской, Измирской и Брайтонской конференциях). Таким образом, Суд развивает свою прецедентную практику в этом направлении посредством процедуры пилотного постановления и в других формах, тем самым помогая Договаривающимся государствам и Комитету министров ради надлежащего и эффективного применения статьи 46 Конвенции. По мнению Суда,

246. Принимая во внимание вышеизложенные соображения и принимая во внимание, в частности, характер нарушений, установленных настоящим решением, повторение подобных нарушений в других недавних делах и вопросы, которые могут возникнуть при исполнении решения, Суд находит целесообразно рассмотреть настоящее дело в соответствии со статьей 46 Конвенции.

А. Общие принципы

247. Суд повторяет, что статья 46 Конвенции, толкуемая в свете статьи 1, налагает на государство-ответчика юридическое обязательство осуществлять под надзором Комитета министров надлежащие общие и/или индивидуальные меры для обеспечения права заявителя, которые Суд признал нарушенными. Такие меры также должны быть приняты в отношении других лиц в положении заявителя, в частности, путем решения проблем, которые привели к выводам Суда. Это обязательство постоянно подчеркивалось Комитетом министров при надзоре за исполнением постановлений Суда (см. *Россия*(№ 2), нет. 33509/04, § 125, ECHR 2009, с дополнительными ссылками).

248. Что касается индивидуальных мер, которые должны быть приняты в ответ на судебное решение, то их основная цель состоит в том, чтобы добиться *restitutio in integrum*, то есть положить конец нарушению Конвенции и возместить его последствия таким образом, чтобы восстановить насколько это возможно, ситуация, существовавшая до нарушения (см. *Пирсак против Бельгии* (статья 50), 26 октября 1984 г., § 11, Серия А, № 85, и *Папамихалопулос* и другие

против Греции (статья 50), 31 октября 1995 г., § 34, Серия А № 330Б). Это обязательство отражает принципы международного права, согласно которым государство, ответственное за противоправное деяние, обязано произвести реституцию, состоящую в восстановлении положения, существовавшего до совершения противоправного деяния, при условии, что реституция не является «материально невозможной» и «не влечет за собой бремя, несоизмеримое с выгодой, получаемой от реституции, вместо компенсации» (статья 35 статей Комиссии международного права об ответственности государств за международно-противоправные деяния). Другими словами, хотя реституция является правилом, могут быть обстоятельства, при которых ответственное государство полностью или частично освобождается от этого обязательства, при условии, что оно может доказать, что такие обстоятельства имеют место (см. Verein gegen Tierfabriken Schweiz (VgT) v. Швейцария(№ 2) [ГК], вып. 32772/02, § 86, ЕСПЧ 2009 г.). Государства должны организовать свои правовые системы и судебные процедуры таким образом, чтобы можно было достичь этого результата (см. там же, § 97, и Рекомендацию (2000)2 Комитета министров).

249. На Комитет министров, действующий в соответствии со статьей 46 Конвенции, возлагается оценка в свете вышеуказанных принципов международного права и информации, предоставленной государством-ответчиком, выполнило ли последнее добросовестно свое обязательство по восстановить, насколько это возможно, ситуацию, существовавшую до нарушения. Хотя государство-ответчик в принципе остается свободным в выборе средств, с помощью которых оно будет выполнять это обязательство, Комитет министров также должен оценить, совместимы ли выбранные средства с выводами, изложенными в постановлении Суда (см. Scozzari и Giunta, упомянутое выше, § 249, и Verein gegen Tierfabriken Schweiz (VgT), упомянутое выше, §§ 241-42).

В. Меры по исполнению настоящего решения

1. Выплата справедливой компенсации

250. Ввиду продолжающегося содержания заявителя под стражей в Таджикистане Европейский суд прежде всего обеспокоен тем, как государство-ответчик выполнит свое обязательство по выплате справедливой компенсации. Суд уже сталкивался с подобными ситуациями с заявителями, которые оказались вне досягаемости после их выдворения из государства-ответчика. В некоторых из этих дел Суд указал, что государство-ответчик должно было обеспечить выплату справедливой компенсации путем содействия контактам между

заявителями, их представителями и Комитетом министров (см. Муминов против России (справедливая компенсация), № 42502/06), § 19 и пункт (с) резолютивной части, 4 ноября 2010 г., и Камалиевы против России (справедливая компенсация), № 52812/07, § 14 и пункт 1(с) резолютивной части, 28 июня 2011 г.).

251. Возвращаясь к настоящему делу, Суд отмечает, что после перевода заявителя в Таджикистан, определенные, хотя и косвенные, контакты имели место между ним и его представителями в Суде. Ввиду этого факта и крайне уязвимого положения заявителя в Таджикистан, Суд считает целесообразным, чтобы сумма, присужденная ему в качестве справедливой компенсации, находилась в доверительном управлении его представителей.

2. Другие меры по исправлению положения в отношении заявителя

252. Суд, однако, считает, что обязательство выполнить настоящее решение не может быть ограничено выплатой денежной компенсации, присужденной в соответствии со статьей 41, которая предназначена только для возмещения таких последствий нарушения, которые не могут быть устранены иным образом. (см. Scozzari and Giunta, упомянутое выше, § 250). Обязательство принимать дополнительные индивидуальные меры в дополнение к выплате справедливой компенсации уже было подтверждено органами Конвенции в аналогичных случаях, когда права заявителей были нарушены в результате их выдворения из охраняемой Конвенцией территории (см., например, дело Хирси Джамаа и другие, упомянутые выше, § 211; Аль-Саадун и Муфдхи против Соединенного Королевства, № 61498/08, § 171, ЕСПЧ 2010 г. (выдержки); и резолюцию Комитета министров CM/ResDH(2012)68 в последнем случае и его решения, указанные в пунктах 121-124 выше).

253. Тот факт, что заявитель остается за пределами юрисдикции государства-ответчика, возможно, затрудняет для последнего возможность связаться с ним и принять меры по исправлению положения в его пользу. Однако эти обстоятельства сами по себе не освобождают государство-ответчика от его юридического обязательства принять все меры в пределах его компетенции, чтобы положить конец установленному нарушению и возместить его последствия. В то время как конкретные необходимые меры могут варьироваться в зависимости от специфики каждого дела, обязательство исполнять судебное решение обязывает государство-ответчика под надзором Комитета министров выяснить и добросовестно использовать такие юридические, дипломатические и/или практические средства, которые могут быть необходимы для обеспечения в максимально возможной степени права заявителя, которое, по мнению Суда, было нарушено.

254. По мнению Суда, выводы настоящего решения требуют принятия таких мер. Текущее состояние развития международного права и международных отношений не делает невозможным принятие государством-ответчиком ощутимых мер по исправлению положения с целью защиты заявителя от существующих рисков для его жизни и здоровья в иностранной юрисдикции (см., кстати например, Аль-Саадун и Муфдхи, упомянутое выше, § 171, и резолюция Комитета министров CM/ResDH(2012)68 от 8 марта 2012 г.; Осман (Абу Катада), упомянутое выше, §§ 23-24 и 194- 205; см. также меры, принятые Россией для обеспечения возвращения заявителя из Туркменистана в деле Гарабаев против России, № 38411/02, §§ 34-35, 7 июня 2007 г.). В данном случае потребность в таких мерах тем более велика, учитывая, что заявителю было предоставлено временное убежище самими российскими властями. Государство-ответчик а fortiori остается открытым для принятия тех индивидуальных мер, которые находятся полностью в пределах его собственной юрисдикции, таких как проведение эффективного расследования рассматриваемого инцидента с целью устранения процессуальных нарушений, установленных Судом (см. например, судебное разбирательство, возбужденное против государственного должностного лица в связи с несоблюдением обеспечительных мер, указанных Судом в деле Муминов против России, упомянутом выше, § 44).

255. Таким образом, Суд убежден, что он обязан Российская Федерация воспользоваться необходимыми инструментами и процедурами для принятия таких мер в отношении заявителя. Учитывая разнообразие средств, доступных для достижения этой цели, и характер затронутых вопросов, Комитет министров лучше, чем Суд, может оценить конкретные меры, которые необходимо принять. Таким образом, Комитету министров следует предоставить контроль на основе информации, предоставленной государством-ответчиком, и с должным учетом меняющейся ситуации заявителя, за принятием таких мер, которые осуществимы, своевременны, адекватны и достаточны для обеспечения максимально возможное возмещение за допущенные судом нарушения.

3. Общие меры по предотвращению подобных нарушений

256. Рассматривая вопрос в соответствии со статьей 46 Конвенции, Суд считает особенно важным подчеркнуть необходимость принятия общих мер для предотвращения новых нарушений, подобных уже установленным. В связи с этим Суд с большой озабоченностью отмечает, что события, рассматриваемые в настоящем деле, не могут рассматриваться как единичный случай. Суд повторяет, что с момента своего решения по делу Искандарова (упомянутого выше), в котором он признал Российскую Федерацию ответственной за нарушение

статьи 3 в связи с необъяснимым похищением заявителя и его передачей в Таджикистан неустановленными лицами, он столкнулся с неоднократные случаи подобного рода. Суд уже установил нарушение как статьи 3, так и статьи 34 в деле Абдулхакова. в котором заявитель был похищен в Москве и принужден сесть на самолет в Таджикистан при идентичных обстоятельствах (см. дело Абдулхакова, упомянутое выше, §§ 124-27). Совсем недавно, хотя и при других обстоятельствах, он обнаружил те же нарушения в связи с депортацией другого заявителя из Санкт-Петербурга в Узбекистан (см. Зохидов против России, № 67286/10, §§ 128-42 и 201-11, 5 февраля 2013 г.). , еще не окончательный). Суд имеет в своем списке больше подобных жалоб и, что еще более тревожно, получил некоторые из них в связи с аналогичными инцидентами, которые произошли после предостережения, направленного Председателем Суда Правительству Российской Федерации (пункт он установил те же нарушения в связи с депортацией другого заявителя из Санкт-Петербурга в Узбекистан (см. Зохидов против России, № 67286/10, §§ 128-42 и 201-11, 5 февраля 2013 г., еще не окончательный вариант). Суд имеет в своем списке больше подобных жалоб и, что еще более тревожно, получил некоторые из них в связи с аналогичными инцидентами, которые произошли после предостережения, направленного Председателем Суда Правительству Российской Федерации (пункт он установил те же нарушения в связи с депортацией другого заявителя из Санкт-Петербурга в Узбекистан (см. Зохидов против России, № 67286/10, §§ 128-42 и 201-11, 5 февраля 2013 г., еще не окончательный вариант). Суд имеет в своем списке больше подобных жалоб и, что еще более тревожно, получил некоторые из них в связи с аналогичными инцидентами, которые произошли после предостережения, направленного Председателем Суда Правительству Российской Федерации (пункт52выше), и даже после недавних решений, принятых Комитетом министров по этому вопросу (см.121-124выше).

257. Выводы настоящего постановления подтверждают точку зрения о том, что неоднократные похищения людей и их последующая передача в страны назначения путем преднамеренного обхода надлежащей правовой процедуры, в частности в нарушение временных мер, указанных Судом, представляют собой вопиющее игнорирование нормы права и предполагают, что некоторые государственные органы разработали практику, нарушающую их обязательства по российскому законодательству и Конвенции. Такая ситуация имеет самые серьезные последствия для внутрirosсийского правопорядка, эффективности системы Конвенции и авторитета Суда.

258. Из решений Комитета министров видно, что ситуация также была «источником серьезной озабоченности» для правительства и что оно занималось устранением инцидентов. Соответствующие решения

Комитета Министров были, например, направлены в Генеральную прокуратуру, Следственный комитет, МВД, Федеральную миграционную службу и Федеральную службу судебных приставов. Правительство также заявило, что оно «привержено представлению результатов расследования» инцидентов в России как в Комитет министров, так и в Суд в контексте соответствующих дел (см. пункты 122-123 выше). Приведенные выше выводы Суда убедительно демонстрируют, однако, что в настоящем деле не было принято удовлетворительных последующих мер и, в более общем плане, что заинтересованным государственным органам еще предстоит принять решительные общие меры. Они должны включать дальнейшее совершенствование внутренних средств правовой защиты в делах об экстрадиции и высылке, обеспечение законности любых действий государства в этой области, эффективную защиту потенциальных жертв в соответствии с временными мерами, указанными Судом, и эффективное расследование каждого нарушения таких мер или аналогичных мер. противоправные действия.

259. Суд признает недавнее значительное развитие национальной судебной практики, предпринятое Верховным судом Российской Федерации в своем постановлении №. 11 от 14 июня 2012 г. (см. п. 76 выше). Это развитие событий соответствует прецедентной практике Суда и полностью поддерживает идею улучшения внутренних средств правовой защиты в делах об экстрадиции и высылке, которую давно продвигают органы Конвенции в отношении всех Договаривающихся государств (см., среди самых последних источников, Позиция Большой палаты в упомянутом выше деле *De Souza Ribeiro против Франции*, § 82, см. также Рекомендацию Комитета министров *Rec(2004)6* об улучшении внутренних средств правовой защиты и Рекомендацию *R(98)13* о правах лиц, ищущих убежища, которым было отказано эффективное средство). Суд надеется, что тщательное применение постановления Верховного Суда всеми российскими судами позволит судебным органам избежать таких недостатков, которые критикуются в настоящем решении (см. 161-165) и дальнейшее развитие формирующейся национальной судебной практики, которая напрямую применяет требования Конвенции посредством судебной практики (см., среди самых последних примеров, решения национальных судов, рассмотренные в деле *Кулевский против России* (декабрь), № 20696/12, §§ 18 и 36, 20 ноября 2012 г.). Суд отмечает, что шаги, предпринимаемые судами общей юрисдикции, перекликаются с важной прецедентной практикой, разработанной Конституционный суд России по вопросам экстрадиции и позитивные меры, принятые на других уровнях, как это отражено в решениях Комитета министров (см. пункты 123-124 выше). На этом фоне тем более тревожными для Суда являются ситуации, в которых

внутренние правовые механизмы вопиющим образом обходят в результате незаконной передачи заявителей государствам, стремящимся привлечь их к ответственности. Повторение такого беззакония способно свести на нет эффективность внутренних средств правовой защиты, на которые полностью полагается система Конвенции (сравните *Al-Saadoon and Mufdhi*, упомянутое выше, § 166). По мнению Суда, обязательства государства по настоящему постановлению требуют незамедлительного решения этой повторяющейся проблемы.

260. Отсутствие эффективного внутреннего расследования таких неприемлемых инцидентов вызывает дополнительную серьезную обеспокоенность, что подтверждается настоящим решением. Требование Конвенции об эффективном и незамедлительном расследовании каждого инцидента такого рода напрямую вытекает из богатой прецедентной практики Суда и находит поддержку в последовательной позиции Комитета министров и Парламентской ассамблеи, которые настаивали, в частности, на том, что преступники таких инцидентов должны быть привлечены к ответственности, чтобы послать четкий сигнал о том, что такие действия недопустимы (см. резолюцию 1571 (2007) Ассамблеи и резолюцию Комитета министров *CM/Res (2010) 25*, упомянутую выше). Суд отмечает, что такого сообщения не было отправлено ни в настоящем деле, ни в других подобных делах, которые возникли за последние восемнадцать месяцев.

261. Вышеупомянутые соображения приводят Суд к выводу, что обязательство, вытекающее из статьи 46, требует принятия срочных и решительных действий государством-ответчиком, включая все такие меры, которые могут потребоваться для решения проблем, выявленных настоящим решением. Помимо вышеупомянутой необходимости дальнейшего совершенствования внутренних средств правовой защиты и предотвращения их незаконного обхода в вопросах экстрадиции, принятие общих мер в ответ на настоящее решение должно решить две другие важные проблемы и преследовать две соответствующие цели.

262. Во-первых, ввиду их особо уязвимого положения заявителя, в отношении которых Суд указал временные меры, должны получить эффективную защиту со стороны государства не только по закону, но и на практике. Учитывая, что общая защита, предусмотренная обычной правовой базой, регулярно не срабатывает в таких случаях, как настоящий, следует создать соответствующий механизм, на который возложены как превентивные, так и защитные функции, чтобы обеспечить таким заявителям немедленную и эффективную защиту. против незаконного похищения и незаконного выдворения с территории страны и юрисдикции российских судов. Необходимость в

таким механизме особенно актуальна в отношении заявителей, разыскиваемых теми государствами, в которые уже имели место незаконные насильственные перемещения или депортации. Ввиду исключительной цели, преследуемой временными мерами, и вероятности причинения серьезного непоправимого ущерба в результате любого их нарушения, любой введенный таким образом специальный механизм должен подлежать тщательному изучению со стороны компетентного сотрудника правоохранительных органов соответствующего уровня, способного вмешаться в короткие сроки, чтобы предотвратить любое внезапное нарушение временных мер, которое может произойти намеренно или случайно. Заявителям и их законным представителям должен быть обеспечен беспрепятственный доступ к соответствующим государственным служащим для информирования их о любой чрезвычайной ситуации и получения срочной защиты. любой введенный таким образом специальный механизм должен подлежать тщательному контролю со стороны компетентного сотрудника правоохранительных органов соответствующего уровня, способного вмешаться в кратчайшие сроки, чтобы предотвратить любое внезапное нарушение временных мер, которое может произойти намеренно или случайно. Заявителям и их законным представителям должен быть обеспечен беспрепятственный доступ к соответствующим государственным служащим для информирования их о любой чрезвычайной ситуации и получения срочной защиты. любой введенный таким образом специальный механизм должен подлежать тщательному контролю со стороны компетентного сотрудника правоохранительных органов соответствующего уровня, способного вмешаться в кратчайшие сроки, чтобы предотвратить любое внезапное нарушение временных мер, которое может произойти намеренно или случайно. Заявителям и их законным представителям должен быть обеспечен беспрепятственный доступ к соответствующим государственным служащим для информирования их о любой чрезвычайной ситуации и получения срочной защиты.

263. Во-вторых, учитывая жизненно важную роль обеспечительных мер в системе Конвенции и, соответственно, исключительную важность, придаваемую их соблюдению государствами-участниками (см. пункты 211-213 выше), государство должно воспользоваться соответствующими процедурами и институциональными механизмами для обеспечения эффективного расследования каждого случая нарушения таких мер, поскольку существующие процедуры не дают требуемых результатов. Также требуется тщательное изучение таких расследований на соответствующем официальном уровне, с тем чтобы гарантировать, что они проводятся с необходимой тщательностью и в соответствии с требуемыми стандартами качества.

264. Подчеркивая вышеупомянутые области, вызывающие особую озабоченность, Суд не исключает и других возможностей для принятия общих мер, некоторые из которых уже были изложены в текстах Совета Европы (см.108-114выше). Однако тщательная оценка всех таких вопросов выходит за рамки судебной функции Суда ввиду многочисленных правовых, административных, практических вопросов и связанных с безопасностью вопросов. Поэтому Суд воздержится на данном этапе от формулирования конкретных постановлений, считая, что приведенные выше указания помогут обеспечить надлежащее исполнение настоящего постановления под надзором Комитета министров (см., с соответствующими изменениями, Бурдов (№ 2) , упомянутое выше, § 137, и Ананьев и другие против России, №№ 42525/07 и 60800/08, § 194, 10 января 2012 г.). Российские власти должны предложить Комитету министров конкретные шаги для обеспечения соответствующих конвенционных прав,

ПО ЭТИМ ПРИЧИНАМ СУД ЕДИНОГЛАСНО

1. Заявляет о жалобах на опасность жестокого обращения с заявителем в Таджикистан, отсутствие эффективных средств правовой защиты в этом отношении и задержки в судебном пересмотре его содержания под стражей являются приемлемыми, а остальная часть жалобы неприемлемой;
2. Постановил, что имело место нарушение статьи 3 Конвенции в связи с неспособностью властей защитить заявителя от реальной и неминуемой опасности пыток и жестокого обращения, предотвратив его насильственный перевод из Москвы в Таджикистан, отсутствием эффективное расследование инцидента и участие в этой операции представителей государства;
3. Постановил, что имело место нарушение статьи 34 Конвенции в связи с несоблюдением государством-ответчиком временных мер, указанных Судом;
4. Постановил, что имело место нарушение пункта 4 статьи 5 Конвенции в связи с задержками в рассмотрении жалоб заявителя на постановления о заключении под стражу от 17 мая и 19 ноября 2010 г.;

5. Постановил, что нет необходимости в отдельном рассмотрении жалобы на отсутствие эффективных средств правовой защиты в соответствии со статьей 13 Конвенции;
6. Удерживает
 - (a) что государство-ответчик должно выплатить заявителю в течение трех месяцев с даты, когда решение станет окончательным в соответствии со статьей 44 § 2 Конвенции, следующие суммы:
 - (i) 30 000 евро (тридцать тысяч евро) плюс любые налоги, которые могут взиматься, в качестве компенсации морального вреда, и эта сумма должна удерживаться представителями заявителя в Суде в доверительном управлении заявителя;
 - (ii) 5 920 евро (пять тысяч девятьсот двадцать евро) плюс любые налоги, которые могут взиматься с заявителя, в отношении расходов и издержек, подлежащих конвертации в валюта государства-ответчика по курсу, действующему на дату расчетов и перечисляемому на банковский счет представителей заявителя;
 - (b) что с истечения вышеупомянутых трех месяцев до выплаты на вышеуказанные суммы должны выплачиваться простые проценты по ставке, равной предельной кредитной ставке Европейского центрального банка в течение периода неисполнения обязательств, плюс три процентных пункта;
7. Отклоняет остальные требования заявителя о справедливой компенсации.

Совершено на английском языке и уведомлено в письменной форме 25 апреля 2013 г. в соответствии с пунктами 2 и 3 правила 77 Регламента Суда.

Сорен Нильсен
Регистратор

Изабель Берро Лефевр
президент